

А.В. Золотов

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ДОСТИЖЕНИЯ И ЗАДАЧИ БОРЬБЫ
РАБОЧЕГО КЛАССА РОССИИ

А.В. Золотов

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ДОСТИЖЕНИЯ И ЗАДАЧИ БОРЬБЫ
РАБОЧЕГО КЛАССА РОССИИ**

2025

УДК 161+303+321+331.1+331.44

ББК 87.22+87.6+66.82

*Печатается по решению
Совета Фонда Рабочей Академии
(Фонда содействия обучению рабочих)
и Ученого Совета
Невинномысского института
экономики, управления и права*

**Золотов А.В. Современные теоретические
достижения и задачи борьбы рабочего класса России.**
Невинномысск: Издательство Невинномысского
института экономики, управления и права, 2025. 118 с.

ISBN 978-5-94812-186-4

В книге доктора экономических наук, профессора Александра Владимировича Золотова в концентрированном виде представлены новые достижения в теории и программе рабочего движения, разработки ученых, развивающих марксизм-ленинизм в современных условиях: материалистическое преобразование диалектики Гегеля, развертывание системы противоречий развития социализма, обоснование закона экономии рабочего времени и сокращения рабочего дня, противоречия профсоюзной борьбы в России, роль и значение Советов как органов власти рабочего класса, избираемых по заводам и фабрикам, практические вопросы организации борьбы рабочего класса.

Книга помогает осознать противоречия классовой борьбы пролетариата на всех её этапах и предназначена для широкого круга читателей, стремящихся освоить марксизм-ленинизм

© Золотов А. В., 2025

ISBN 978-5-94812-186-4

Оглавление

Введение	4
1. Материалистическое преобразование диалектики Гегеля	10
2. Полагание системы противоречий развития социализма как фазы освобождения коммунизма от классовых различий	29
3. Раскрытие закона экономии рабочего времени	59
4. Обоснование сокращения рабочего времени и перемены труда при социализме	69
5. Углубленное понимание диктатуры пролетариата на основе осмысления исторического опыта	88
Вместо заключения: теория освободительного движения рабочего класса претворяются в практику	113
Список литературы	116

Введение

Борьба рабочего класса за обеспечение полного благосостояния и свободного развития всех членов общества, против сил и традиций старого, капиталистического общества, в конечном счете, приведет к успеху. Это не исключает, однако, временных поражений тех или иных отрядов международного рабочего класса, как это произошло с рабочим классом СССР и ряда других социалистических стран. Такие поражения побуждают политический авангард рабочего класса глубже осмыслить теорию и опыт рабочего движения, извлечь необходимые уроки, собрать и организовать новые силы для более успешной борьбы за рабочее дело.

Теорию, выражающую коренные интересы передового класса современности, принято называть марксизмом-ленинизмом – по имени тех великих мыслителей, которые внесли самый значительный вклад в её создание и развитие.

Карл Маркс, применив материалистически осмысленную гегелевскую диалектику, раскрыл закон движения капиталистической экономики и доказал необходимость диктатуры пролетариата для разрешения антагонизмов капиталистического общества. Весомое слово в этой теоретической работе принадлежало Фридриху

Энгельсу – соратнику Маркса. Великие теоретики рабочего класса всегда были активными участниками международного рабочего движения.

Опираясь на достижения теории марксизма и материалистическое прочтение гегелевской диалектики, Владимир Ильич Ленин доказал закон перерастания капитализма в его высшую и последнюю стадию – империализм. Не ограничиваясь констатацией того факта, что империализм – канун социалистической революции, В.И. Ленин непрестанно боролся за создание и развитие партии рабочего класса, за установление и упрочение Советской власти как организационной формы диктатуры пролетариата.

Иосиф Виссарионович Сталин, руководствуясь ленинскими идеями о противоречиях переходного периода от капитализма к коммунизму, обосновывал способы их разрешения в пользу коммунизма в каждый конкретный исторический момент. Под его руководством была реализована марксистско-ленинская идея о планомерном развитии общественного производства и систематическом понижении цен на основе повышения производительности труда.

Итак, марксизм-ленинизм – название, подчеркивающее роль самых выдающихся ученых-сторонников рабочего класса в разработке передовой общественной теории.

Возможно также обозначение марксистско-ленинской теории, которое непосредственно отражает ее связь с борьбой за интересы рабочего класса. Так, В.И. Ленин отмечал замечательную последовательность и цельность взглядов Маркса, «...дающих в совокупности современный материализм и современный научный социализм, как теорию и программу рабочего движения всех цивилизованных стран мира...» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26, с. 50-51). И ещё одно определение такого же рода: «Марксизм есть теория освободительного движение пролетариата» (там же, с. 227).

То, что речь идет о теории рабочего движения, прежде всего, выражает её связь с коренными интересами рабочего класса. Поскольку же подразумевается борющийся рабочий класс, то теория предстает как руководство к преобразованию общества в соответствии с этими интересами. Такая теория получает свое итоговое выражение в форме системы требований, за которые выступает рабочий класс, – то есть программы рабочего движения.

Сделанное великими представителями теории рабочего движения сохраняет свою значимость, поскольку образует

основание для дальнейшего развития марксизма-ленинизма. Это достояние общественной мысли тогда выступает основанием, когда присутствует определенность основанного, то есть, когда появляются новые достижения в теории и программе рабочего движения.

Без всестороннего развития передовая теория превращалась бы в догму, не способную служить руководством к действию рабочего класса. Складывались бы условия для борьбы представителей буржуазии в рабочем движении с марксизмом-ленинизмом под видом «творческого развития марксизма» и «борьбы с догматизмом». Подобная ревизионистская подмена произошла в СССР в период контрреволюции, инициированной хрущевской группировкой в КПСС.

Нельзя сказать, что обществоведы-сторонники рабочего класса в период после Великой Отечественной войны бездействовали. Так, в области политической экономии активно разрабатывалась теория непосредственно общественного производства при социализме как противоположности товарному производству. Проводникам «рыночного социализма», побежденным в научных дискуссиях, оставалось только обращаться за административной поддержкой со стороны своих

многочисленных покровителей в руководящих идеологических органах КПСС.

И все же положительные результаты исследований советских обществоведов не имели той последовательности и цельности, которые были присущи взглядам классиков марксизма-ленинизма. Недоставало, в первую очередь, диалектического осмысления развития социализма.

Без освоения диалектики случилось то, о чем предупреждал В.И. Ленин: материализм из сражающегося превратился в «сражаемый». Так, подавляющее большинство советских ученых-сторонников социализма, не имея необходимой подготовки в области материалистической диалектики, с одобрением восприняли так называемую «концепцию развитого социализма». В ней расписывались положительные стороны социализма как первой фазы коммунизма и игнорировались моменты отрицания социализма в нем самом, связанные с выходением нового строя из капитализма.

Подобная односторонняя, непротиворечивая «картинка» социализма исключала понимание объективных противоречий как источника развития социализма в полный коммунизм, препятствовала выработке научной программы борьбы за уничтожение классов. Между тем, в силу

объективности противоречий общественной жизни негативные тенденции продолжали действовать и, не будучи подавляемыми борьбой за прогресс социализма, только нарастали и превратились в господствующие. По сути, «концепция развитого социализма» стала идеологическим прикрытием реставрации капитализма в СССР и ведомых им странах.

Для того, чтобы теория и программа рабочего движения получили всестороннее, выходящее за рамки сделанного классиками марксизма-ленинизма развитие, от теоретиков рабочего класса требуется, прежде всего, освоение метода материалистической диалектики. В решении этой задачи состоит одно из главных современных достижений теории и программы рабочего движения.

1. Материалистическое преобразование диалектики Гегеля

То, что марксизм имеет одним из своих источников гегелевскую диалектику, было известно каждому советскому студенту из работы В.И. Ленина «Три источника и три составные части марксизма», которая была обязательной к изучению во всех вузах. Было известно и то, что эта диалектика была осмыслена и использована Марксом с материалистических позиций, и в таком качестве характеризовалась как диалектика Маркса (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26, с. 241).

Возможно, поэтому желающие осваивать диалектику чаще всего ограничивались изучением трудов Маркса без обращения непосредственно к «Науке логики» Гегеля как компендиуму диалектики. Правомерность такого ограничения, казалось бы, подтверждалась ленинской мыслью: «если Marx не оставил *«Логики»* (с большой буквы), то он оставил *логику* «Капитала», и это следовало бы сугубо использовать по данному вопросу. В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания ... материализма, взявшего все ценное у Гегеля и двинувшее сие ценное вперед» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29, с. 301). В самом деле, зачем тратить время на «Науку логики», если

«Капитал» – не просто воплощение всего ценного из гегелевской диалектики, но и его развитие?

Не принималось, однако, во внимание, что при изучении «Капитала» непосредственно осваивается метод политической экономии. Диалектика же – метод собственно философии. Так как философия – наука о всеобщих законах развития природы, мышления и общества, то ее метод образует основание методов остальных, более содержательных наук, в том числе и политической экономии.

Поскольку диалектический метод лежит в основании метода «Капитала», то метод марксистско-ленинской политической экономии не может быть вполне освоен без непосредственного обращения к изучению диалектики. В.И. Ленин отмечал: «Нельзя вполне понять «Капитала» К. Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв *всей* логики Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса ½ века спустя» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29, с. 162). Сказанное Лениным, безусловно, относится и к методу «Капитала».

К. Маркс и Ф. Энгельс потому так продвинули общественную науку, подняв ее до высоты теории освободительного движения пролетариата, что на протяжении всей своей сознательной жизни обращались к

«Науке логики» Гегеля как высшему достижению в изложении диалектики. Выдающиеся теоретики рабочего класса умели материалистически истолковывать это достижение и гениально применять его в качестве основания метода исследования законов общественного развития.

В.И. Ленин также глубочайшим образом изучил «Науку логики» Гегеля, что способствовало раскрытию им противоречий империализма и переходного периода от капитализма к коммунизму. Сознавая значимость постижения диалектического метода для успеха рабочего движения, Владимир Ильич призывал сторонников рабочего класса стать «обществом материалистических друзей гегелевской диалектики».

Поскольку Гегель был объективным идеалистом, то есть исходил из представления о мире как инобытии абсолютного духа, то это накладывало свой отпечаток на «Науку логики». Классики марксизма-ленинизма всегда подчеркивали необходимость материалистического истолкования гегелевской диалектики.

Понимая, что сложность самостоятельного истолкования будет для многих препятствием в овладении диалектическим методом, Маркс писал: «Когда я сброшу экономическое бремя, я напишу «Диалектику». Истинные

законы диалектики имеются уже у Гегеля – правда в мистической форме. Необходимо освободить их от этой формы» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32, с. 456). К сожалению, этот замысел не был реализован.

В.И. Ленин в «Философских тетрадах» дал образцы материалистического прочтения многих положений «Науки логики». Правда, это не означало целостного изложения материалистической диалектики.

В СССР предпринимались попытки изложить материалистическую диалектику путем «наложения» системы категорий «Науки логики» на содержание «Капитала». Позитивным в этом было обращение к гениальной работе Гегеля, приведение примеров из «Капитала», иллюстрирующих проявление всеобщей диалектики. Вместе с тем, стремление свести метод «Капитала» непосредственно к диалектике, то есть методу философии, делало невозможным освоение ни первого, ни второй.

Задачу освобождения гегелевской диалектики от «мистической формы» поставили перед собой в начале 2020-х годов два российских ученых: доктор философских наук, профессор Михаил Васильевич Попов и доктор

экономических наук Олег Анатольевич Мазур. Они пришли к её постановке неслучайно.

М.В. Попов – выпускник матмеха ЛГУ (диплом с отличием), поступив в аспирантуру экономического факультета ЛГУ в конце 1960-х годов, со всей серьезностью отнесся к мысли В.И. Ленина о штудировании «Науки логики» Гегеля для понимания «Капитала». Молодой исследователь не ограничился заучиванием определений категорий «Науки логики», знание которых тоже полезно, а сосредоточился на выведении последующих категорий из предшествующих. Другими словами, он сделал основным предметом своего рассмотрения переходы философских категорий, которые (переходы) образуют главную ценность гениального труда Гегеля.

Чтобы удостовериться в правильном понимании переходов, недостаточно излагать их только для себя, требуется внимательный собеседник, следящий за ходом их изложения. Такого заинтересованного собеседника аспирант Попов нашел в лице профессора Игоря Константиновича Смирнова. Так была открыта эффективная форма изучения «Науки логики»: выведение её категорий в кругу заинтересованных слушателей, когда каждый по очереди

излагает тот ряд логических переходов, который является предметом данного занятия.

Спустя несколько лет, во второй половине 1970-х годов кандидат экономических наук М.В. Попов стал руководителем студенческого научного кружка экономического факультета ЛГУ «Диалектический метод в политэкономии», слушатели которого осваивали «Науку логики» в порядке выведения её категорий друг для друга. Кружок действовал более 10 лет. Наряду с другими участниками в нём занимались А.В. Золотов и О.А. Мазур.

Материалистически осмысленная гегелевская диалектика была применена Михаилом Васильевичем в острой теоретической борьбе за интересы рабочего класса, которая развернулась в СССР после хрущевского контрреволюционного переворота. Главным достижением теоретической работы ученого - последовательного марксиста-ленинца стала в этот период монография «Планомерное разрешение противоречий развития социализма как первой фазы коммунизма» (Л.: Изд-во ЛГУ, 1986 год). В этой фундаментальной работе впервые в общественной науке была раскрыта система противоречий развития первой фазы коммунизма, что поставило её в ряд

выдающихся образцов реализации материалистической диалектики.

Метод, основанный на материалистически осмысленной гегелевской диалектике, применялся М.В. Поповым и после 1980-х, принося весомые результаты для теории и программы рабочего движения.

Михаил Васильевич продолжил пропаганду изучения «Науки логики» в кружке друзей гегелевской диалектики Красного Университета Фонда Рабочей Академии (Фонда содействия обучению рабочих).

Полвека такой пропаганды показали, что кружковая работа, даже транслируемая с помощью сайта Фонда Рабочей Академии (Фонда содействия обучению рабочих), не в состоянии дать целостного представления о материалистическом прочтении гегелевской диалектики для всех интересующихся этим вопросом, насущным для успешной борьбы за интересы рабочего класса.

При таких обстоятельствах доктор экономических наук О.А. Мазур предложил профессору М.В. Попову совместно подготовить специальный труд, имеющий целью материалистическое осмысление гегелевской диалектики.

Олег Анатольевич Мазур, штудировавший «Науку логики» не одно десятилетие, – автор фундаментальной

монографии «Развитие работника современной России» (СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009). «Развитие» в названии монографии – не фигура речи, а отражение успешно примененного в ней диалектического метода. Не ограничиваясь теоретическими исследованиями, значимыми для российского рабочего движения, О.А. Мазур, как и М.В. Попов, является консультантом Российского Совета рабочих.

Безусловно, ученые с такой творческой и общественно-политической биографией имели все основания взяться за материалистическое преобразование диалектики Гегеля. На подготовку монографии с этим названием ушло несколько лет. Она была опубликована в 2025 году (Попов М.В., Мазур О.А. Материалистическое преобразование диалектики Гегеля. Невинномысск: Издательство Невинномысского института экономики, управления и права, 2025, 206 с.).

Монография дает понимание того, в чем заключается материалистическое прочтение «Науки логики».

Прежде всего, авторы показали, что, когда речь идет об «Объективной логике» – первой книге труда Гегеля, то она и по содержанию основного текста (то есть – исключая ряд примечаний), и по форме изложения в целом является материалистической.

Гегель начинает с «бытия», которое само по себе не подразумевает принадлежность к какому-либо субъекту. То, что выдающийся диалектик вне рамок непосредственного рассмотрения предмета философии в «Науке логики» трактует «бытие» в качестве бытия абсолютного духа, никак не влияет на исследование этой категории в Логике. Каждый настоящий материалист также начнет с рассмотрения «чистого бытия».

Тогда всё осуществляемое затем развертывание системы философских категорий вплоть до «Субъективной логики» – второй книги «Науки логики» – предстает реализацией метода материалистической диалектики. Последовательное изложение переходов менее содержательных категорий в более конкретные в первой книге «Науки логики» выражает владение материалистической диалектикой.

Эта убедительная позиция авторов монографии избавляет читателей «Науки логики» от сомнений в необходимости следовать переходам философских категорий, изложенным в «Объективной логике». Другого способа реализации материалистической диалектики нет и быть не может.

Так как М.В. Попов и О.А. Мазур пишут не просто о гегелевской диалектике, а ставят задачу её

материалистического преобразования, то они в этой части своей монографии, исходя из рассмотрения «чистого бытия», выводят всю систему категорий «Объективной логики». Разумеется, при выведении каждой категорий указывается ссылка на соответствующее положение в тексте великого произведения Гегеля.

В системе логических переходов не потеряна ни одна из категорий, рассмотренных в «Науке логики», но нет и буквального повторения всего её текста.

Прежде всего, приводя названия первых двух томов «Науки логики»: «Учение о бытии» и «Учение о сущности», образующих книгу «Объективная логика», – авторы освобождают изложение от дальнейшей разбивки на пункты и подпункты, используемые в работе Гегеля. При подробной разбивке, традиционной для объемных работ, усложняется восприятие всеобщей связи категорий. С устранением подобного членения внимание читателя фокусируется именно на выведении каждой новой категории тем более, что появление последней фиксируется в монографии ее написанием курсивом и жирным шрифтом.

Постижению последовательности логических переходов в современном исследовании способствует их более сжатое, чем у Гегеля, изложение. Вообще говоря,

чрезмерное сжатие вело бы к утрате понимания таких переходов. К чести авторов, они соблюдают разумную меру в этом непростом деле, по их монографии можно понять все логические переходы, содержащиеся в «Науке логики» в более развернутом виде.

В целях сосредоточения внимания читателей на выведении философских категорий М.В. Попов и О.А. Мазур исключают из своего изложения «Учения о бытии» и «Учения о понятии» примечания, которыми изобилует «Наука логики».

В самом деле, некоторые примечания по своему объему превышают подразделы, к которым они прилагаются. Так, два примечания к параграфу «Количественная бесконечность» в 3 раза объемнее его текста. За пунктом «Бесконечность определенного количества» следуют три примечания, размер которых более чем в 20 раз превосходит величину указанного подраздела, а содержание предполагает у читателя знание высшей математики. Такие вставки в текст «Науки логики» выглядят скорее как самостоятельные произведения, связанные с ней только тематически. В любом случае, примечания, давая иллюстрации к основному тексту, не включают в себя переходов категорий.

Читатель «Науки логики» оказывается в затруднительном положении: если вникать в содержание подобных примечаний, приходится откладывать изучение собственно диалектики; если же пролистывать примечания, появляется неудовлетворенность от игнорирования того содержания, которое Гегель посчитал необходимым включить в свой труд. Выбор авторов монографии, акцентирующих внимание на выведении философских категорий в пользу исключения примечаний из рассмотрения диалектики, вполне обоснован.

Такой подход тем более правомерен, что в ряде примечаний немецкий философ обсуждал богословские проблемы с позиций объективного идеализма. Исключение подобных составляющих из учения о диалектике – прямое требование её материалистического преобразования.

Не пропустили авторы уступку идеализму со стороны переводчиков «Науки логики» на русский язык, допущенную в её изданиях 1937 года и 2017 года. В указанных вариантах вместо соответствующего объективной логике понятия «суть» пишется термин «мыслимая вещь». В монографии подобное несоответствие устраняется и используется именно категория «суть».

Применение диалектики к постижению более конкретных предметов, чем сама философия, содержится в произведении Гегеля преимущественно в примечаниях. Вместе с тем его можно встретить и в основном тексте «Науки логики». Это дает основание авторам монографии включать в неё уже при рассмотрении философских категорий «Объективной логики» примеры применения материалистической диалектики к исследованию социально-экономических явлений.

В данном ряду можно отметить: определение человека; показ этапов прогресса общественно-экономических формаций как соответствующих узловых линий отношений меры; характеристику социально-экономического равенства в качестве иллюстрацию тождества различного и т.п. Отмеченная составляющая монографии подготавливает читателя к восприятию диалектики в качестве метода, необходимого для прогрессивного преобразования социально-экономической действительности.

В полной мере эта роль диалектики раскрывается в рамках материалистического преобразования содержания второго тома «Науки логики» – «Субъективной логики», который (том) одновременно выступает в качестве третьей книги труда Гегеля – «Учения о понятии».

М.В. Попов и О.А. Мазур справедливо отмечают, что структура данного тома, начинающаяся с рассмотрения субъективности, за которой следует объективность, отражает идеализм Гегеля. Поэтому в штудировании «Субъективной логики» (или «Учения о понятии») надо «...двигаться в соответствии с логикой марксизма, а не в соответствии с той субъективной логикой, которая не соответствует действительному движению общественного развития» (Материалистическое преобразование диалектики Гегеля, с. 106).

В монографии реализована структура материалистически преобразованной системы категорий диалектики, включенных в «Субъективную логику», а именно: первый отдел: «Объективность» с главами: «Механизм», «Химизм», «Жизнь»; второй отдел: «Субъективность» с главами: «Понятие», «Суждение», «Умозаключение»; третий отдел: «Идея», в которой также три главы: «Идея познания», «Идея добра», «Абсолютная идея». Такая логическая последовательность позволяет освободить элементы ценного содержания этого тома «Науки логики» от мистифицированной формы. Тот, кто стремится познать материалистически осмысленное учение о понятии, должен следовать именно ей.

Без отмеченного преобразования структуры приходится иметь дело, например, с искусственным подведением понятия «механизм» под понятие «умозаключение», как это происходит у Гегеля. Равным образом, телеология у великого диалектика предшествует понятию «жизнь». В результате реализация целей предстает в качестве независимой от человека, что естественно для объективного идеалиста, но неприемлемо для материалиста.

В этой части своего исследования авторы придерживаются тех же ключевых принципов, что и при материалистическом прочтении «Объективной логики»: отказ от подзаголовков в тексте для того, чтобы сосредоточить внимание на выведении категорий; сжатое изложение без ущерба для понимания логических переходов; применение выведенных категорий в целях осмысления с позиций материалистической диалектики конкретных проблем социально-экономического развития.

Что касается отсутствия примечаний в тексте монографии, то и у самого Гегеля они в «Учении о понятии» – редкое исключение. Те обсуждения, которые прямо не входят в выведение категорий, великий диалектик включает в основной текст, что, однако, увеличивает объем последнего и отчасти усложняет постижение самой логики.

Благодаря материалистическому подходу к определению структуры «Учения о понятии» и разумному сжатию изложения текста, и сами логические переходы, и их последовательность становятся понятнее для вдумчивого читателя, чем даже при тщательном штудировании труда Гегеля. В этом отношении показательна в монографии трактовка моментов понятия (всеобщее, единичное, особенное), фигур суждения и умозаключения, которые перестают восприниматься как нечто, относящееся к схоластике.

Кроме того, в монографии достаточно широко представлены формулировки из гегелевской «Энциклопедии философских наук», которые в ряде случаев оказываются уместнее положений из «Науки логики», возможно, вследствие более сжатого формата «Энциклопедии».

В материалистическом осмыслении «Субъективной логики» М.В. Попов и О.А. Мазур опираются на те достижения науки, которые были получены после Гегеля. Так, в монографию включено определение жизни, данное Энгельсом. Приведено подразделение организмов на растения, животные и границу между ними. Дано современное определение человека как общественного, трудящегося, говорящего и разумного животного. В

результате такой необходимой работы диалектика освобождается от ограниченности научных представлений позапрошлого века.

В монографии убедительно раскрыто, что идея добра в ее последовательной конкретизации означает обеспечение полного благосостояния и свободного, всестороннего развития всех членов общества. По-иному и не может быть, если приход к идее добра опосредствуется развитием абстрактно всеобщего в единичное как конкретно всеобщее. Именно при переходе к коммунизму прогресс человеческого рода требует развития всех членов общества.

Абсолютная идея – самая содержательная категория «Науки логики», предстает как единство отражения мира и его преобразования. Всеобщность формы логического содержания образует диалектический метод, емкая характеристика которого также представлена в монографии.

Проделанное авторами исследование подытоживается положением: «Гегель завершил свою систему идеей преобразования, Маркс и Энгельс начали с идеи преобразования мира...Идея преобразования мира в коммунистическое общество была осуществлена в нашей стране рабочим классом, руководимым партией большевиков, вооруженной научной теорией, основанной на

диалектико-материалистическом методе познания и преобразования действительности. И в настоящее время стоит задача диалектико-материалистического, — единственно истинного познания современного общества с целью его преобразования в общество, в котором самоцелью является прежде всего развитие главной производительной силы и осуществляется на этой основе обеспечение полного благосостояния и свободного, всестороннего развития всех членов общества» (с. 191).

М.В. Попов и А.О. Мазур, решившие грандиозную задачу материалистического прочтения гегелевской диалектики, убедительно приходят к этой обобщающей их труд мысли.

Теперь, после выполнения ими такой насущной теоретической работы, освоение материалистической диалектики выйдет за сравнительно узкий круг людей, десятилетиями штудирующих «Науку логики», преодолевая барьер её идеалистической мистификации. Ряды сознательных приверженцев идеи преобразования мира в коммунистическое общество будут неуклонно расти и крепнуть.

Уже говорилось, что материалистическое осмысление гегелевской диалектики в СССР осуществлялось М.В.

Поповым в содружестве с И.К. Смирновым с конца 1960-х годов. Благодаря владению диалектическим методом Михаил Васильевич в 1980-е годы смог раскрыть систему противоречий развития социализма как первой фазы коммунизма и способы их разрешения по линии перерастания социализма в полный коммунизм.

2. Полагание системы противоречий развития социализма как фазы освобождения коммунизма от классовых различий

Если необходимость политической экономии для исследования капитализма всегда признавалась в СССР, то в отношении изучения социализма дело обстояло по-другому. В 1920-е годы бытовало представление, что политэкономия имеет дело только с превращенными формами, свойственными капитализму. Так, например, прибыль является превращенной формой прибавочной стоимости, поскольку выглядит порождением всего капитала (и переменного, и постоянного), а не только рабочей силы. Для раскрытия действительного соотношения прибыли и прибавочной стоимости требуется наука – политическая экономия. Поскольку же при социализме подобного превращения не происходит, то политэкономия не требуется. Таково было обычное представление в те годы.

Понадобилось немалое время, чтобы осознать необходимость научного осмысления социалистической экономики. Главная роль в возникновении политической экономии социализма принадлежала И.В. Сталину, который в 1951 году инициировал дискуссию советских экономистов о макете учебника по политической экономии. По её итогам

И.В. Сталин опубликовал работу «Экономические проблемы социализма в СССР», в которой охарактеризовал государственный сектор, господствующий в социалистической экономике, как нетоварный. Такой подход соответствовал марксистско-ленинской теории и был отнюдь неочевидным, учитывая распространенность товарных и, в том числе, денежных форм в советской экономике.

Отношения же между государственными и кооперативными предприятиями, по мнению Сталина, являлись товарными, что оставляло место для действия закона стоимости. Тем самым на социалистическую экономику ошибочно проецировалась ситуация, свойственная переходному периоду от капитализма к социализму.

Опубликованный в 1954 году учебник «Политическая экономия» включал в себя рассмотрение эволюции всех способов производства, в том числе – следующего за капиталистическим (который был назван в этой работе «социалистическим»). Марксистско-ленинская политическая экономия впервые была представлена в таком систематическом изложении.

Особый интерес вызывал третий раздел учебника: «Социалистический способ производства», в сжатой форме

содержащий целостную теорию экономики социализма. К сожалению, название раздела страдало неточностью: так как социализм – первая фаза коммунизма, следовало говорить о коммунистическом способе производства. Впоследствии, данный неточный термин был использован ревизионистами для противопоставления социалистического способа производства коммунистическому. И всё же появление такого раздела стало значимой вехой в истории политической экономии социализма.

В отмеченном разделе рассматривался ряд фундаментальных категорий и законов социализма: общественная собственность, основной экономический закон социализма, закон планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства, заработная плата при социализме, хозяйственный расчёт, рентабельность, себестоимости, цена и т.п. Правда, вошла в материал учебника и глава XXXI «Товарное производство, закон стоимости и деньги при социализме», в которой эти категории, в противоречии с марксизмом-ленинизмом, характеризовались как существующие на первой фазе коммунизма.

Авторы учебника в значительной степени отразили опыт развития народного хозяйства СССР. Так,

неоднократно подчеркивался закономерный характер понижения цен в социалистической экономике.

Фиксировалось проявление нового, нетоварного содержания в старых товарных формах. В частности, по отношению к социалистическим предприятиям отмечалась условность обозначения их чистого дохода термином «прибыль». К сожалению, такой подход применялся при анализе далеко не всех категорий, отражавших «товарно-денежные» формы при социализме.

В учебнике неоднократно говорилось о противоречиях в социалистической экономике. Так, справедливо отмечалось: «В социалистическом обществе нет эксплуататорских классов, но имеются отсталые элементы, носители частнособственнических тенденций и навыков, противодействующие развитию новых, прогрессивных тенденций в социалистической экономике, существуют ещё расхитители общественной собственности, бюрократические элементы, пренебрегающие нуждами народа, не преодолены ещё полностью пережитки капитализма в сознании людей». Оставалось, однако, неясным, имеется ли объективная экономическая основа для воспроизводства частнособственнических тенденций при социализме.

Борьба против отмеченных негативных явлений правомерно связывалась в «Политической экономии» с деятельностью Коммунистической партии и Советского государства. Впоследствии многие советские политэкономы ошибочно исключали этот аспект из своего рассмотрения, считая партию и государство предметом изучения «научным коммунизмом».

Указывая на негативную практику выпуска более доходных для предприятий изделий при невыполнении плана по всему ассортименту, авторы учебника описывали её как проявление «противоречия между потребительной стоимостью и стоимостью товара». Между тем, подобное противоречие присуще не социалистическому, непосредственно общественному производству, а товарному, и его разрешение ведет к появлению капитала. Использование неадекватной терминологии препятствовало постижению противоречий развития социалистической экономики.

Главный же недостаток учебника с точки зрения изложения таких противоречий состоял в том, что в нём просто упоминались их формулировки. Поэтому содержание работы в целом не отражало единство и борьбу противоположностей в социалистической экономике. В

«Капитале» же противоречия полагались, то есть они выступали формой самодвижения содержания этого гениального труда, что позволило раскрыть объективную диалектику капитализма. Соответственно, источник самодвижения социалистического народного хозяйства оставался непознанным.

После выхода учебника «Политическая экономия» разработка политэкономии социализма шла, прежде всего, через утверждение позиции о непосредственно общественной природе экономики социализма, то есть о господстве производственных отношений, не опосредствованных товарным обменом. Другими словами, устранялась непоследовательность в понимании социализма, встречавшаяся в работе Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и повторенная в учебнике «Политическая экономия» (1954 г.), когда отношения между предприятиями разных форм единой общественной собственности трактовались как товарные.

Такая теоретическая работа проходила в порядке острых дискуссий с адептами «социалистического товарного производства», «исправлявшими» непоследовательность Сталина в своем, ревизионистском духе, то есть признавая товарным и государственный сектор социалистической

экономики. Ревизионисты старались спастись от заслуженной марксистско-ленинской критики уверениями в «новом, социалистическом содержании» товарного производства, отбрасывая тем самым фундаментальные положения теории рабочего движения, пролагая путь к реставрации капитализма как той стадии товарного производства, когда и рабочая сила становится товаром. Все эти уловки не смогли прикрыть теоретическую несостоятельность проводников «рыночного социализма». Живучесть подобных антикоммунистических представлений в первой фазе коммунистического общества требовала научного объяснения.

Для советских политэкономов, многие из которых хорошо знали главный труд Маркса, было очевидным, что предложенная в учебнике политической экономии 1954 года логика изложения теоретического материала не имеет диалектической обоснованности «Капитала». Как следствие снижалась значимость даже правильных положений учебника.

Отсюда – распространенное намерение найти такую категорию политэкономии социализма, рассмотрение которой позволит выстроить всю теоретическую систему этой науки, подобно тому, как Маркс, исходя из анализа

товара, создал систему политической экономии капитализма. Роль исходного отношения социалистической экономики разными авторами приписывалась общественной собственности, коллективизму, планомерности и т.д. Каждый из авторов приводил аргументы в подтверждение своей точки зрения. При этом не принималось во внимание, что истинность выбора понятия, образующего начало теоретической системы, подтверждается не предварительными соображениями, а построением её, исходя из рассмотрения данного, наиболее абстрактного понятия.

Таково в самых общих чертах было состояние политической экономии социализма на рубеже 1970-1980-х годов. Давая ему обобщенную оценку, надо отметить незавершенность её становления.

Тот факт, что к отмеченному времени теоретическая система этой науки не установилась, отражал проблему использования присущего ей метода. А метод политической экономии социализма основывается на материалистической диалектике. Следовательно, решить проблему создания системы политической экономии социализма мог только тот ученый-сторонник рабочего класса, который владел диалектикой. Таким ученым, как уже отмечалось выше, стал Михаил

Васильевич Попов, подготовивший и опубликовавший в 1986 году (с задержкой на год из-за препятствий цензуры) монографию «Планомерное разрешение противоречий развития социализма как первой фазы коммунизма».

Книга начинается с рассмотрения коммунистической природы социализма, то есть коммунизма в его первой, низшей фазе. Итак, началом теоретической системы выступает сама первая фаза коммунизма в её абстрактном виде, то есть неразвитое целое. Не отдельное отношение — планомерности, собственности, коллективизма и т.п., как предполагалось пишущими об этом советскими политэкономами, — а целое способа производства. Разумеется, на этой стадии рассмотрения еще преждевременно заключать, что выбранное начало истинно.

М.В. Попов подчеркивает: раз социализм — первая фаза коммунизма, то нет двух способов производства — социалистического и коммунистического, а есть один коммунистический способ производства, проходящий в своем развитии две фазы — низшую — социализм — и высшую — полный коммунизм. Поэтому следует констатировать коммунистическую природу социализма.

Что же отличает первую фазу коммунизма от высшей? То, что она непосредственно выходит из капитализма,

является результатом перехода от капитализма к коммунизму и во всех отношениях несет отпечаток старого строя. После этого коммунизм развивается на собственной основе – неполный коммунизм перестает в полный.

Только изучение «Науки логики», в которой проводится различие между «становлением в сфере бытия» и «становлением в сфере сущности», позволяет понять специфику становления социализма как первой фазы коммунизма и перерастания социализма в полный коммунизм.

«Отпечаток старого строя» – скорее, образное выражение. В книге дана точная научная формулировка – «отрицание коммунизма в себе самом». В социалистической экономике нет капиталистического уклада, нет капиталистов, его отрицание – его собственная неразвитость, связанная с выхождением из капитализма.

Далее Михаил Васильевич показывает, что социализм есть целое, включающее, и коммунизм, и его собственный отрицательный момент, тогда как отрицание коммунизма есть только момент, хотя и в единстве с коммунизмом. Налицо единство противоположных сторон – противоположность, в которой коммунизм выступает положительной стороной. Поскольку каждая сторона

содержит противоположную, то речь идёт о единстве противоположностей — противоречии между коммунистической природой социализма и отрицанием коммунизма в себе, связанным с его выхождением из капитализма. Таково исходное — оно же основное — противоречие развития социализма как первой фазы коммунизма.

М.В. Попов раскрывает, как разрешается противоречие: борьбой противоположных сторон. Параграф исследования, посвященный разрешению этого противоречия, чрезвычайно емкий по своему содержанию. Он включает целый ряд теоретически и практически значимых положений: о потенциальном преобладании позитивных, то есть ведущих к перерастанию социализма в полный коммунизм, тенденций над негативными, антикоммунистическими, направленными на реставрацию капитализма; о том, что обе тенденции имеют своих носителей, в том числе и выразителей в сфере теории, и под влиянием противоположных тенденций находится каждый член социалистического общества; о необходимости сознательной, активной борьбы за реализацию позитивных тенденций, с тем, чтобы эта активность превосходила противодействие со стороны негативных; об использовании момента отрицания

коммунизма в себе для прогресса коммунистической природы социализма; о возможности попятного движения к капитализму при недостаточной активности борьбы за развитие социализма в высшую фазу коммунизма и т.д. Отметим, что истинность этих научных положений подтверждена не только историческим успехами социализма, но и трагическим опытом контрреволюции в СССР и ряде других стран.

Как нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его первой главы, не проштудировав всей «Науки логики», так без подобной предварительной работы нельзя вполне понять первую главу монографии М.В. Попова. Тем более, что её автору потребовалось активно использовать понятия сферы сущности для раскрытия диалектики первой фазы коммунизма. Читатели, основательно занимавшиеся «Наукой логики», отметят исключительную точность использования категорий диалектики в монографии, позволяющую с блеском решить теоретические проблемы политической экономии этого уровня абстракции.

Как показано в книге М.В. Попова, коммунистическая природа социализма выражается, прежде всего, в непосредственно общественном характере социалистического производства: при общественной

собственности ассоциированные члены общества непосредственно подчиняют производство своим общественным интересам. Поэтому социалистическое производство не может быть товарным, в котором отношения между производителями опосредствуются обменом, что всегда составляло принципиальную позицию классиков марксизма-ленинизма.

Тогда, разумеется, ошибочно вести речь о действии при социализме закона стоимости — основного закона всякого товарного производства, а, значит, и капиталистического. На его место в регулировании затрат рабочего времени общества в социалистическом производстве заступает закон экономии рабочего времени.

Следуя методу, основанному на материалистической диалектике, Михаил Васильевич не ограничивается признанием социалистического производства непосредственно общественным, как поступали очень многие советские экономисты, а выявляет момент отрицания непосредственно общественного характера производства в первой фазе коммунизма — товарность.

Использование термина «товарность» — еще одно наглядная характеристика диалектической методологии автора. Товарность — небытие непосредственно

общественного производства в нём самом, его бытие-для-иного. Нет товарного производства, а есть момент собственной неразвитости непосредственно общественного производства, вышедшего из капиталистического товарного хозяйства.

Когда такое положение кажется непонятным, единственный путь понять его и другие, связанные с применением диалектических категорий, – заниматься освоением и применением диалектики, как это делал и делает Михаил Васильевич Попов.

Критикуя распространенные в 1970-1980-е годы представления об «относительной экономической обособленности производителей» при социализме, Михаил Васильевич пишет: «Если товарное производство означает обособленность производителей, то товарность означает лишь *момент обособления* ассоциированных производителей». И опять – «момент», то есть нечто, имеющее бытие как снятое, позволяет отобразить противоречивость социалистического производства, не скатываясь к его признанию товарным.

В монографии раскрывается, что товарность проявляет себя не только в «товарно-денежных» формах, то есть формах, имеющих новое, непосредственно общественное

содержание, но унаследованных от капитализма. Она обнаруживает себя и в натурально-вещественных формах непосредственно общественных отношений, хотя они не так соответствуют товарности, как «товарно-денежные» формы.

М.В. Попов обосновывает способ разрешения противоречия между непосредственно общественным характером социалистического производства и товарностью. Это – борьба за приоритет общественных интересов.

Вопрос о соотношении общественных, коллективных и личных интересов – предмет острейшей дискуссии в советской политэкономии. Выразители товарности при социализме в той или иной форме пытались умалить значение общественных интересов членов общества как главного содержания их коллективных и личных интересов. В ход шли формулировки о «согласовании» различных интересов, о «нахождении баланса» между ними и т.п., лишь бы подменить верховенство коренных интересов – в развитии непосредственно общественного производства и освобождения его от товарности – диктатом побочных, связанных с усилением товарности. Между тем экономический интерес – форма реализации производственных отношений. Подмена приоритета общественных интересов господством групповых ведет к

упразднению общественной собственности и замене её частной (хотя бы и в групповой форме последней).

М.В. Попов, уместно обращаясь к работам сторонников развития непосредственно общественного производства: А.М. Ерёмина, А.И. Кащенко, Н.А. Моисеенко, А.А. Сергеева, И.К. Смирнова и др., – последовательно проводит аргументацию в пользу обеспечения приоритета общественных интересов. Ученый, владеющий диалектикой, делает это в высшей степени убедительно.

Диалектичным является и вывод о том, что, разрешая противоречие между непосредственно общественным характером социалистического производства и товарностью путем обеспечения приоритета общественных интересов, общество обеспечивает тем самым перерастание социализма в полный коммунизм.

Осуществление приоритета общественных интересов, как показано в монографии М.В. Попова, означает, по формулировке В.И. Ленина, обеспечение полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества. Эта ленинская формула, пожалуй, самая точная из целого ряда марксистско-ленинских положений, характеризующих цель коммунистического производства и его основной закон. Неудивительно, что ревизионисты

всегда старались подменить её какой-либо другой, совместимой с обстановкой капиталистического производства, — например, «удовлетворением растущих потребностей».

Подчинение производства коммунистической цели обуславливает социально-экономическое равенство членов общества. В монографии справедливо отмечается, что под таким равенством понимается уничтожение классов. Соответственно, социализм как первая фаза коммунизма имеет бесклассовую природу. Иного не может быть по завершении переходного периода от капитализма к коммунизму, когда упразднение частной собственности и утверждение господства общественной собственности отрицает один из ключевых признаков классового общества — антагонистическое противопоставление больших групп людей в их отношении к собственности на средства производства. При социализме все члены общества выступают ассоциированными собственниками общественных средств производства, и потому отсутствуют антагонистические классы, свойственные классовым обществам.

Вместе с тем, в силу выхождения социализма из капитализма, на первой стадии бесклассового общества ещё

не уничтожено старое разделение труда, то есть деление общества на большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Как следствие при социализме сохраняется классовость, проявлявшаяся в СССР в существовании рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции. Возможное преобразование колхозно-кооперативной собственности в государственную не уничтожило бы полностью классовые различия, так как остался бы рабочий класс.

Как обосновывает М.В. Попов, при незавершенности уничтожения классов общественные интересы представлены коренными интересами рабочего класса. У колхозного крестьянства коренные интересы также совпадают с общественными, но больше интересов, расходящихся с первыми. Главные интересы интеллигенции однонаправленны с интересами утверждения высшей фазы коммунизма, но от уничтожения классов она объективно выигрывает меньше, чем рабочий класс. Поэтому рабочий класс – общественная сила, по своему положению наиболее

заинтересованная в разрешении противоречия между бесклассовой природой социализма и непреодоленными классовыми различиями по линии перерастания социализма в полный коммунизм.

В движении данного противоречия проявляются две тенденции: к полному уничтожению классов и к расширенному воспроизводству классовых различий, которое, как показал исторический опыт, завершается реставрацией классового общества в его капиталистической форме. Негативную тенденцию автор монографии называет «мелкобуржуазностью», подчеркивая, что её носителем и выразителем выступает не класс мелкой буржуазии – его нет при социализме – а всякий, кто попирает коренные интересы рабочего класса. Поэтому классовых антагонизмов при социализме нет, а индивидуальные, обусловленные остатками старого разделения труда, ещё не уничтожены.

Борьба за осуществление коренных интересов рабочего класса против мелкобуржуазности, то есть действий в интересах, противоречащих первым, – это классовая борьба в первой фазе бесклассового общества. Руководить этой борьбой до полного уничтожения классов призван фабрично-заводской рабочий класс. Такое руководство, по определению Ленина, есть не что иное как диктатура

пролетариата. Цензура «общенародного», а на деле обуржуазившегося государства не позволила автору монографии свободно использовать термин «диктатура пролетариата», но содержание исследования раскрывает необходимость пролетарской диктатуры при социализме.

Классовая борьба есть борьба политическая, и она может быть успешной для рабочего класса, когда он организован с помощью своего политического авангарда — партии рабочего класса. В этой своей части исследование выходит за привычные рамки политической экономии, но без рассмотрения роли рабочей партии невозможно вполне понять перерастание социализма в полный коммунизм.

М.В. Попов справедливо подчеркивает, что коммунистическая партия должна отвечать высоким требованиям, предъявляемым к политическому авангарду рабочего класса: обладать необходимой теоретической подготовкой, иметь в качестве большинства в своем составе и в руководящих органах сознательных рабочих, вести наступательную борьбу с ревизионизмом и т.п. Только при активных действиях такой партии рабочий класс способен, изживая мелкобуржуазность в социалистическом обществе, уничтожить классовость как момент классовых различий в

бесклассовом коммунистическом обществе в первой фазе его развития.

Итак, противоречие между бесклассовой природой коммунизма и непреодоленностью классовых различий в его первой фазе разрешается борьбой трудящихся под руководством рабочего класса и его партии за планомерное осуществление приоритета общественных экономических интересов. Тем самым в качестве предмета рассмотрения должна теперь выступить планомерная организация социалистического производства.

В книге М.В. Попова такая организация раскрывается преимущественно исходя из требований развития социализма, а не в порядке теоретического осмысления уже существующей системы планового управления. К моменту написания монографии – середине 1980-х годов – в СССР разрабатывались «комплексные программы», вопреки своему названию охватывавшие отдельные отрасли или сферы хозяйственной деятельности, и пятилетние планы, то есть – с горизонтом предвидения, установленным более полувека назад, ещё в период существования капиталистического и мелкотоварного укладов в экономике. Подобная система, безусловно, не соответствовала задаче планомерного перерастания социализма в полный

коммунизм, и от ученого требовалось обосновать адекватную организацию планового управления.

Михаил Васильевич сформулировал необходимость разработки и реализации Программы социально-экономического развития, охватывающей все этапы уничтожения классовых различий. Такой документ, не предвосхищая сроков утверждения высшей фазы коммунизма, послужил бы основой для составления долгосрочных планов социально-экономического развития страны, рассчитанных на 10 – 15 лет и предусматривающих достижение определенных этапов в обеспечении полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества.

Безусловно, только при использовании таких инструментов планового управления стало бы возможным повышать общественную производительность труда темпами, требуемыми для экономической победы над самыми развитыми капиталистическими странами. Без их использования наблюдалась прямо противоположная тенденция: СССР с 1960-х годов начал уступать в экономическом соревновании, являющемся специфической формой классовой борьбы с мировым капитализмом.

Вопреки абсурдным, буржуазным представлениям о роли экономического центра при социализме как планирующего всё до «последнего гвоздя» в книге представлена действительная организация планирования, предполагающая составление Госпланом материальных балансов по ключевым 400 видам продукции, Госснабом и министерствами ещё по 65 тыс. видам и последующее разукрупнение номенклатуры до 24 млн. видов продукции, производимой предприятиями в соответствии с их самостоятельно заключаемыми хозяйственными договорами. Поистине гигантское поприще для самостоятельности и инициативы в деле реализации общественных экономических интересов!

Отрицанием планомерной организации социалистического производства в ней самой выступают элементы стихийности. В монографии они справедливо связываются не только с неизбежными пробелами в познании будущего, но и с проявлением интересов, расходящихся с общественными, представленными коренными интересами рабочего класса.

К сожалению, ситуация, сложившаяся в СССР после «экономической реформы», а на деле рыночной контрреволюции 1965 года, изобиловала элементами

стихийности, основные из которых охарактеризованы в монографии. И старение станочного парка, и недостаточное использование фонда амортизации для замены устаревшего оборудования, и снижение нормы накопления, и переизбыток рабочих мест в производстве, проявляющийся как «дефицит рабочих кадров» и т.д. и т.п. — все эти проблемы несбалансированности экономики, злободневные для нынешней России, берут своё начало в период бурного роста элементов стихийности в трансформируемой в капиталистическую экономике СССР.

В движении противоречия между планомерной организацией производства и элементами стихийности в нем проявляются две противоположные тенденции: к усилению планомерности, с одной стороны, и к распространению стихийности, с другой.

Для развития планомерности требуется метод убеждения, базирующийся на соответствии плановых действий общественным интересам. Поскольку же существует почва для мелкобуржуазных проявлений, то одним убеждением не обеспечить выполнение планов, требуется и принуждение. Так обосновывается необходимость государственной формы централизованного планового управления экономикой, придающей

общественным интересам государственный характер, а планам – директивность. В монографии подчеркивается, что в условиях социализма директивные методы, применяемые государством диктатуры пролетариата – это экономические методы управления экономикой.

Директивные методы дополняются методом социалистического соревнования, базирующемся на общественной материальной заинтересованности.

Следует отметить, что в период написания монографии центром теоретических дискуссий была роль хозяйственного расчета, что отражало напор мелкобуржуазных идеологов, заикленных на удовлетворении групповых интересов. Между тем, хозяйственный расчет – это метод подчинения коллективной материальной заинтересованности общественным интересам, предполагающий использование товарно-денежных форм. И главным проявлением коммунистического отношения к труду было и будет социалистическое соревнование, а не хозяйственный расчет.

Чрезвычайно содержательно рассмотрение в монографии диалектики натурально-вещественных и товарно-денежных плановых показателей. Для достижения их действительного соотношения требуется, чтобы динамика цен как плановых нормативов затрат соответствовала

повышению производительности труда, то есть происходило систематическое понижение цен. Финансовые планы должны составляться с учетом такого понижения, тогда как в позднем СССР раздувание величины плановых стоимостных показателей становилось препятствием повышению производительности труда и снижению цен.

Хотя меры борьбы за укрепление планомерности представлены в монографии во многом в форме долженствования, но они обосновываются ученым, глубоко осознавшим диалектику развития социализма. Поэтому их осмысление станет обязанностью для тех, кому предстоит заниматься развитием государственного планового централизованного управления социалистической экономикой.

В этой системе выделяется управленческий аппарат, то есть совокупность работников, выполняющих управленческие функции. В условиях социализма основные интересы управленческих кадров однонаправленны с общественными интересами, что образует основание для использования системы государственного планового централизованного управления социалистической экономикой в целях обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества.

В силу же того, что деление общества на тех, кто преимущественно занят управлением, и тех, кто социально-экономически закреплён за исполнительским трудом, при социализме ещё не уничтожено, в системе управления воспроизводятся элементы карьеризма, бюрократизма, ведомственности и местничества. Эти проявления мелкобуржуазности отрицают осуществление государственных интересов.

Налицо объективное противоречие между социалистическим характером государственного планового централизованного управления экономикой и элементами карьеризма, бюрократизма, ведомственности и местничества в нём.

Прогресс социализма требует всеобщего участия трудящихся в управлении, того, чтобы, говоря ленинскими словами, «все на время становились «бюрократами», и чтобы поэтому никто не мог стать «бюрокрatom». В монографии справедливо отмечается, что участие в управлении тех, кто не является работниками управленческого аппарата, объективно необходимо для реализации интересов диктатуры пролетариата, так как позволяет реализовать управленческий потенциал непосредственных носителей этих интересов.

Эффективные формы такого участия открыты советским рабочим классом. Это – работа в партийных организациях партии рабочего класса; в профсоюзах; в Советах, избираемых производственными коллективами; в системе рабочего контроля, включая шефство заводов над государственным аппаратом и т.д. Социалистическое совместительство работы на производстве с выполнением ответственных управленческих функций непосредственно выступало отрицанием старого деления общества на тех, кто только управляет, и тех, кто только исполняет.

Всеобщее участие в государственном управлении как способ борьбы за осуществления государственных интересов, приобретающее все большую энергию и результативность, и приведет к разрешению противоречия по линии отмирания государственной формы планового централизованного управления экономикой и утверждения высшей фазы коммунизма.

Таким образом, монография подводит читателя к выводу, что разрешение всей системы противоречий развития социализма в полный коммунизм, в конечном счете, зависит от сознательности и активности каждого члена общества в классовой борьбе за уничтожение классов.

Подведем итог. Постигание развития капитализма требует изучения «Капитала» К. Маркса. Диалектика перерастания капитализма в империализм не может быть осмыслена без штудирования «Империализма как высшей стадии капитализма» В.И. Ленина. Для осознания противоречий переходного периода от капитализма к социализму необходимо прочитать соответствующие работы В.И. Ленина и И.В. Сталина. Понимание же уничтожения классов при социализме предполагает освоение монографии М.В. Попова «Планомерное разрешение противоречий развития социализма как первой фазы коммунизма».

Книга М.В. Попова относится к выдающимся достижениям современной теории пролетарского движения. Выход её в свет означает, что становление политической экономии социализма завершено, что появилась диалектически сформированная теоретическая система социалистической экономики.

Если этот факт ещё не получил широкого признания, то только потому, что монография была опубликована в разгар буржуазной контрреволюции в СССР, когда поревизионистски фальшивое почитание марксизма-ленинизма сменилось его открытым неприятием со стороны господствующей буржуазии.

Книга М.В. Попова является настольной для каждого сознательного борца за коммунизм. Её практическая значимость в полной мере раскроется тогда, когда рабочий класс, построив социализм, непосредственно приступит к освобождению первой фазы коммунизма от классовых различий.

Благодаря наличию диалектической системы политической экономии социализма повышается роль современных достижений в разработке её отдельных составляющих.

3. Раскрытие закона экономии рабочего времени

Закон экономии рабочего времени при социализме становится одним из законов, необходимых для реализации основного закона – обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества.

О законе экономии рабочего времени, упоминаемом в «Капитале», немало писали и советские экономисты. Зачастую использовалась формулировка «экономия труда», что не вызывает возражения, так как рабочее время есть мера затрат труда.

Вместе с тем долгое время сохранялась неопределенность в понимании того, о каком труде идет речь при рассмотрении данного закона. Если придерживаться представления о целесообразности экономии всякого труда, то правы, например, те, кто ратуют за закрытие школ и больниц в сельской местности, за увеличение количества учеников в расчете на одного учителя и т.п. Очевидно, что подобная трактовка закона вступает в противоречие с целью развития всех членов общества. Поэтому надо принять во внимание деление труда на производительный и непроизводительный.

Такое разграничение труда – одна из великих научных заслуг А. Смита. Шотландский ученый характеризовал в

качестве производительного, во-первых, труд, воплощающийся в товаре, и, во-вторых, – приносящий прибыль нанимателю работника. В результате было намечено различие производительного труда как создающего полезную вещь, и как соответствующего господствующей цели данного способа производства. Согласно обоим подходам, труд наемных рабочих является производительным, а деятельность частных собственников средств производства – непроизводительной.

К. Маркс, опираясь на рассмотрение Смитом проблемы производительного труда при капитализме, разработал теорию прибавочной стоимости, то есть стоимости, создаваемой трудом наемных рабочих и безвозмездно присваиваемой капиталистами. Он показал, что при капитализме доминирует экономия необходимого труда в целях увеличения прибавочного. Стоит ли удивляться, что буржуазные экономисты, превознося Смита как создателя современной экономической теории, в то же время называют «пагубным» введенное им разграничение труда на производительный и непроизводительный и предпочитают характеризовать любой труд производительным.

Очевидно, что советские политэкономы в отношении проблемы производительного труда, как и других ключевых

политэкономических проблем, не имели единой позиции. Было бы странно, если бы выразители мелкобуржуазности в политэкономии социализма не проявляли бы себя как критики отмеченного разграничения: мелкобуржуазность в сфере идей есть подчинение буржуазной идеологии.

Подобные критики вставали в позу обиженных: «Разве при социализме труд нерабочих не является общественно полезным? «Непроизводительный» есть умаление роли трудящихся-нерабочих».

Сторонники марксизма-ленинизма подчеркивали, что любая трудовая деятельность в общественных интересах является при социализме общественно полезной, поэтому об умалении роли непроизводительного труда не может быть и речи. Тем не менее не следует смешивать производительный и непроизводительный труд.

При таких обстоятельствах понадобилось специальное монографическое рассмотрение соотношения этих видов труда, выполненное А.В. Золотовым и М.В. Поповым в книге «Философия производительного труда» (Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2006).

В этой монографии отмечалось, что в соответствии с объективным разграничением материи, человека как высокоорганизованной материи и мышления как свойства

человека выделяются: целесообразная деятельность, основным и непосредственным результатом которой являются полезные вещи, энергия или их перемещение в пространстве – производительный труд; целенаправленная деятельность, направленная на сохранение и развитие способностей человека (услуга), и целесообразная деятельность, основным результатом которой выступают новое знание или художественный образ – непроизводительный труд. Таковы определения производительного и непроизводительного труда, общие для всех экономических эпох.

В рамках производительного труда человек остается подчинен природной необходимости, за ними начинается «царство свободы» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, с. 386 – 387), где или развитие человеческих способностей выступает самоцелью, или осуществляется труд, требующий такого развития и выполняемый при благоприятных для реализации человеческого потенциала условиях. Соответственно, непроизводительный труд выступает элементом свободного времени общества.

Под экономией рабочего времени (экономией труда), следует понимать экономию именно производительного труда. Об экономии непроизводительного труда можно

говорить лишь в том смысле, чтобы выполнение какого-либо его вида не препятствовало удовлетворению общественных потребностей в выполнении остальных его видов. В целом же с точки зрения перерастания социализма в полный коммунизм экономия времени для свободного развития всех членов общества была бы абсурдной.

Больше того, как раскрыто В.Я. Ельмеевым в его фундаментальной работе «Социальная экономия труда: общие основы политической экономии» (СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007), вся социальная деятельность, не являющаяся производительным трудом, имеет своей субстанцией экономию производительного труда. С прогрессом производительности труда, что является общим экономическим законом, возрастают объемы сэкономленного в общественном масштабе рабочего времени при одновременном росте произведенного общественного продукта.

О масштабах этой экономии можно судить по отношению свободного времени общества к его рабочему времени (времени производительного труда). Этот показатель В.Я. Ельмеев назвал «нормой свободного времени общества».

Как показали наши расчеты (Золотов А.В. Диалектика свободного развития работника. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2001), норма свободного времени общества в России в период до промышленного переворота не превышала 1, то есть час времени производительного труда сопровождался экономией одного часа, входящего в состав свободного времени общества. Только после социалистической индустриализации значение этой нормы превысило единицу и продолжало увеличиваться с повышением производительности труда, достигнув к середине 1980-х годов 2,5 – 3. В современных экономически развитых странах подобная норма составляет около 4.

При расчете этого показателя принимается во внимание производительный труд в широком смысле, то есть – результатом которого выступают полезные вещи, энергия или их перемещение в пространстве. Такой подход правомерен при сравнении норм свободного времени в различных способах производства.

В узком смысле при социализме производительным вступает труд в непосредственно общественном производстве, тогда как труд в домашнем хозяйстве непроизводителен. Развитие непосредственно общественного производства ведет к замещению домашнего

труда общественным. Благодаря этому, например, произошел массовый приток женщин в сферу народного хозяйства, что способствовало сокращению социально-экономического неравенства между мужчиной и женщиной. Правда, уничтожение этого неравенства не было доведено до конца, так что время, уделяемое домашнему труду на буднях советскими женщинами, вдвое превышало аналогичное у мужчин.

Уже отмечалось, что при капитализме экономия производительного труда подчинена экономии необходимого труда в целях увеличения прибавочного. Как следствие существуют специфически капиталистические границы применения новой техники: если она экономит труд, но обходится капиталисту дороже, чем старая, то её применение ему невыгодно. Стоимостной показатель — прибыль — доминирует над потребительной стоимостью техники — её способности экономить труд.

Социализм отрицает такие границы. Этот факт получил отражение в трудовой теории потребительной стоимости. Суть её состоит, прежде всего, в том, что эффективной является новая техника, которая, заменяя старую, экономит труд у тех, кто её использует. При этом сэкономленный потребителем новой техники живой труд должен превышать

трудоемкость её производства и эксплуатации. Только тогда происходит действительная экономия общественного труда. Соответственно материальное поощрение производителей техники должно зависеть от размера экономии труда у её потребителей, что укрепляет приоритет общественных интересов.

Рабочие, повышая свою квалификацию, обретают способность трудиться производительнее. Если получивший новые знания и умения рабочий может теперь достигать результатов, которые, например, прежде были под силу двум работникам, то налицо также экономия труда (скорректированная с учетом трудоемкости повышения квалификации).

Применение новой техники и труд более производительных рабочих ведут к экономии труда в тех производственных звеньях, где реализуются данные позитивные изменения. Общественным интересам соответствует такая ситуация, когда экономия обеспечивается не обязательно в каждом производственном звене, а в целом в рамках производственных цепочек. Другими словами, допустим рост трудоемкости продукции на отдельном предприятии при условии, что этот рост обуславливает более масштабную экономию труда в

последующих производственных звеньях, то есть в общественных масштабах.

Следует иметь ввиду сохранение товарно-денежных форм новых производственных отношений при социализме. Если экономия труда не сопровождается соответствующим понижением цен как плановых нормативов затрат, то это препятствует распространению новой техники и повышению благосостояния членов общества, получающих предметы потребления, созданные при новых условиях. Наблюдается преобладание групповых интересов, противоречащее непосредственно общественной природе социалистического производства. Экономия труда должна отражаться в понижении цен с поощрением производителей в зависимости от такого понижения.

В условиях распределения по труду при получении предметов потребления по более низким ценам уменьшается время труда, необходимое для доступа к прежнему объему таких предметов. Налицо ещё одно проявление экономии труда, присущее социалистическому производству.

Разумеется, при обеспечении и реализации экономии труда в первой фазе коммунизма будет проявляться момент товарности, например, в виде попыток отдельных

предприятий монополизировать эффект от применения новой техники, занижая его величину и т.п.

Борьба за приоритет общественных интересов обязательна для реализации закона экономии рабочего времени при социализме.

Такая экономия создает возможность сокращения рабочего времени и прогресса перемены труда, которые необходимы для уничтожения классов.

4. Обоснование сокращения рабочего времени и перемены труда при социализме

Необходимость сокращения рабочего времени для свободного всестороннего развития всех членов общества — одна из ключевых идей марксизма-ленинизма, сформулированная во многих трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, И.В. Сталина. Такое сокращение связывалось выдающимися теоретиками рабочего класса с законом повышения производительности труда.

Закономерно, что борьба за 8-часовой рабочий день стала общим действием международного рабочего класса со второй половины 19-го века. Российский пролетариат, установивший свою диктатуру в октябре 1917 года, узаконил 8-часовой рабочий день, а спустя 10 лет начал переход к 7-часовому рабочему дню, так что к середине 1930-х годов свыше 80% советских промышленных рабочих имели самый короткий рабочий день в мире.

Обстановка предвоенных лет вынудила вернуться к 8-часовому рабочему дню. В годы Великой Отечественной рабочий класс самоотверженно трудился, не ограничиваясь нормальной продолжительностью рабочего дня. По завершению послевоенного восстановления советской

экономики складывались условия для сокращения рабочего дня до 7 часов, что и было сделано в конце 1950-х годов.

Курс на утверждение товарного производства, взятый в ходе реформы 1965 года, сопровождался попятным движением: уже в 1967 году – в мирное время – был реставрирован 8-часовой рабочий день, наряду с этим распространялась практика сверхурочных работ. Сокращение рабочего времени, хотя и упоминаемое в партийных документах, откладывалось на неопределённый срок. Завершалось уничтожение одного из ключевых достижений социализма.

Несмотря на теоретическую значимость вопроса о сокращении рабочего времени, многолетнюю историю борьбы рабочего класса за такое сокращение в политической экономии оставалось много нерешенных проблем, связанных с этой темой.

Так, всегда утверждается, что уменьшение продолжительности рабочего времени – закономерный результат повышения производительности труда. В связи с этим на требования сокращения рабочего дня можно услышать ответ: «Сначала – повышение производительности труда, затем – сокращение рабочего времени». Между тем существует очевидный разрыв между динамикой

производительности и изменением величины рабочего времени: в общем и целом, в последние 150 лет темпы первого процесса в экономически развитых странах многократно опережали темпы второго.

Трудовая активность работников реализуется в рамках целой системы периодов, начиная с рабочего дня и заканчивая трудовым стажем. В советской экономической литературе практически не рассматривалось, каково соотношение динамики величины рабочего времени в различных элементах этой системы.

Сокращение рабочего времени характеризуется в марксизме-ленинизме как объективное требование уничтожения классов. Эта глубокая истина оставалась сформулированной в абстрактной форме и нуждалась в конкретизации до уровня, позволяющего руководствоваться ею на практике.

Неразработанность отмеченных аспектов политической экономии социализма препятствовала развитию государственного планового централизованного управления сокращением рабочего времени, что стало одним из факторов нарастания элементов стихийности в планомерной организации социалистического производства в СССР. Поэтому от представителей рабочего класса в политической

экономии потребовалось решить указанные проблемы. Актуальным вкладом в их решение стала, прежде всего, коллективная монография «Сокращение рабочего дня как основание современного экономического развития» (Золотов А.В., Попов М.В., Бузмакова М.В. и др. Сокращение рабочего дня как основание современного экономического развития/ под ред. А.В. Золотова. – СПб: Изд-во Политехн. ун-та, 2016).

Согласно этой монографии, когда речь идет о повышении производительности труда, следует иметь ввиду именно производительный труд. Как показал анализ исторического опыта, в 20-м столетии и в первые десятилетия 21-го века повышение общественной производительности труда в большинстве стран сопровождалось и ростом общественного продукта, и уменьшением общего фонда рабочего времени в производстве, то есть экономией труда, высвобождением его из производственной сферы.

Благодаря такому росту и такой экономии появляется объективная возможность сокращать рабочий день производственных работников при повышении уровня их реальной зарплаты, то есть количества благ и услуг,

приобретаемых на денежную зарплату при сложившихся ценах.

Дело, однако, в том, что часть сэкономленного производительного труда используется не для уменьшения продолжительности труда рабочих (труд которых экономится), а используется для увеличения занятости в непроизводственной сфере. Следовательно, темп сокращения времени труда рабочих начинает зависеть от соотношения размеров экономии, используемой в целях увеличения их свободного времени, с одной стороны, и экономии, реализуемой в форме роста времени, затрачиваемого в непроизводственной сфере с другой. Очевидно, что уже вследствие этого повышение производительности труда опережает уменьшение продолжительности рабочего времени.

Увеличение доли социальной деятельности (образовательной, в здравоохранении, культуре и т.п.), осуществляемой в рамках непроизводственной сферы, поскольку оно способствует свободному всестороннему развитию непосредственных производителей, — прогрессивная тенденция.

Вместе с тем при капитализме типичным способом использования экономии труда, позволяющим капиталистам

экономить на постоянном капитале, является увольнение рабочих вместо сокращения их рабочего времени. При широких масштабах НТП это приводит к уменьшению численности рабочего класса.

Когда численность рабочих в обществе падает, то объективная возможность сокращения их рабочего времени может отсутствовать даже при уменьшении фонда рабочего времени в производстве: для этого достаточно, чтобы темп первого процесса был выше темпа второго. Складывается парадоксальная ситуация: при общем повышении производительности труда рабочее время непосредственных производителей не только не сокращается, а, наоборот, возрастает. Подобная ситуация наблюдалась, например, в обрабатывающих производствах России в 2010-е годы.

Борьба рабочего класса за сокращение рабочего времени дает возможность использовать часть сэкономленного рабочего времени в интересах рабочих. И всё же, как показывает опыт, ни в одной из капиталистических стран эта борьба не была настолько успешной, чтобы предотвратить уменьшение численности рабочих.

При сохранении старого разделения труда это означает абсолютный и относительный рост занятости в непроизводственной сфере. Как следствие результаты

научно-технического прогресса, имеющие своим источником экономию труда рабочих, во все возрастающей мере присваиваются нерабочими, что тормозит развитие главной производительной силы капиталистического общества.

В СССР осуществление социалистической индустриализации привело к быстрому росту численности рабочего класса. Фонд рабочего времени в промышленности также увеличивался, но медленнее, так как был введен 7-часовой рабочий день. Часть общей экономии труда использовалась для развития непроизводственной сферы, в том числе в форме увеличения занятости в ней.

Введение 7-часового рабочего не было результатом пассивного ожидания повышения производительности труда. Наоборот, обязанность переходить к новому режиму рабочего времени побуждало социалистические предприятия искать резервы эффективного производства. Такова специфика планомерного уменьшения рабочего времени при социализме, обеспечивающая интенсификацию и прогресса производительности, и такого уменьшения.

Очень редко обращается внимание на то, что деятельность по освоению новой техники есть, в первую очередь, развитие требуемых способностей у рабочих,

особая форма производственного обучения. Хотя обучение идет в рамках формально рабочего времени, но это – по существу элемент свободного времени как времени для развития способностей работника. Следовательно, сокращение рабочего времени не только результат, но и предварительное условия роста производительности труда.

К началу 1950-х годов занятость в производстве в СССР преобладала над занятостью в непроизводственной сфере, но тенденция к росту последней отчетливо проявлялась, повторяя то, что интенсивнее происходило в капиталистических странах. Возможно, по этой причине перспектива перерастания социализма в полный коммунизм связывалась в учебнике политической экономии 1954 года с уменьшением доли работников непроизводственной сферы и ростом доли занятых в материальном производстве. Оставалось, правда, неясным, как должен использоваться прогресс экономии производительного труда, ведущий к росту нормы свободного времени общества.

В последние десятилетия существования СССР экономия производительного труда служила, главным образом, для увеличения занятости в непроизводственной сфере и лишь в незначительной части – в виде более продолжительных отпусков – для сокращения времени труда

рабочих. Не удивительно, что к концу 1980-х годов среднее количество часов, отработанных за год в расчете на одного советского трудящегося, превышало аналогичную величину для работников развитых капиталистических стран. Преимущества по критерию возможностей для развития рабочих, достигнутые в ходе социалистического строительства в СССР, в результате буржуазной экономической контрреволюции 1965 года были во многом уничтожены.

Как показывает опыт, время труда рабочих задаёт верхнюю границу нормальной продолжительности труда нерабочих. Так, например, после октября 1917 года до конца 1930-х годов рабочий день советских служащих не превышал 6 часов, тогда как у советских рабочих в этот период он был сначала 8 часов, а затем – 7 часов. То, что впоследствии была установлена нормальная продолжительность рабочего времени для всех трудящихся на уровне, характерном для рабочего класса, лишь подтверждает определяющую роль продолжительности его труда при формировании этой нормы. Поэтому сокращение рабочего времени у непосредственных производителей, как правило, влечёт за собой сокращение рабочего времени у всех работников.

Время труда в сфере материального производства – это период деятельности в «царстве необходимости» с негативным воздействием на здоровье и жизнь человека целого ряда факторов производственной среды. Труд нерабочих осуществляется преимущественно в «царстве свободы», когда выполнение даже рутинных и монотонных трудовых функций протекает при более благоприятных и безопасных условиях. Тем самым именно рабочий класс в наибольшей степени выигрывает от сокращения рабочего времени, а, значит, – объективно наиболее заинтересован в нём.

Трудовая активность реализуется в рамках системы периодов, включающей рабочий день, рабочую неделю и т.д., вплоть до трудового стажа. Очевидно, что рабочий день – исходное и основное звено системы, и потому единица его измерения – рабочий час – является общей для всех остальных периодов.

Более продолжительные периоды рассчитываются умножением количества входящих в них рабочих дней на продолжительность рабочего дня. Чем продолжительнее календарный период, тем выше в нем доля нерабочих дней. Так неделя включает выходные дни, месяцы – помимо выходных, праздничные дни, в рамках года к сумме

нерабочих дней добавляются дни оплачиваемых отпусков. Соответственно, сокращение рабочего времени может достигаться либо за счет уменьшения рабочего дня, либо путем уменьшения количество рабочих дней в рамках определенного календарного периода, либо благодаря сочетанию обоих способов.

Известно, что международный рабочий класс всегда боролся, в первую очередь, за сокращение рабочего дня. Именно такой способ открывал возможность для повседневного участия рабочих в профсоюзной работе, для их образования и самообразования, затруднял использование штрейкбрехеров в ходе стачечной борьбы и т.д. Понимая это, буржуазия охотнее соглашается на увеличение числа нерабочих дней, чем на сокращения рабочего дня.

В результате, как показывают наши расчеты, при капитализме наблюдается тенденция к замедлению темпов сокращения рабочего времени при переходе от более продолжительного календарного периода к менее продолжительному. Так, среднее количество часов, отработанных в расчёте одного работника за год, сократилось за последние полтора века более, чем в 2 раза, рабочая неделя – приблизительно на 40%, а рабочий день – на 30%.

В противоположность этому в период построения и развития социализма в СССР упор делался на сокращение рабочего дня: сначала до 8, затем до 7 часов. После же экономической контрреволюции 1965 года в 1967 году рабочий день был удлинён с 7 часов до 8, а из конституции и трудового законодательства исключили положение о нормальной продолжительности рабочего дня и стали оперировать нормальной продолжительностью рабочей недели, что облегчало увеличение рабочего дня.

Проблема сокращения рабочего времени применительно к трудовому стажу рассматривалась в связи с динамикой пенсионного возраста. В начале 1960-х годов в СССР предполагалось, что в перспективе возраст выхода на пенсию уменьшится. Получался парадокс: предполагалось, что люди будут жить дольше, но сумма лет их общей трудовой активности будет уменьшаться. Казалось бы, ставить вопрос по-другому нельзя, если выступать за сокращение рабочего времени.

В действительности, сокращение рабочего времени в рамках трудового стажа может проявляться по-иному. При сокращении рабочего дня, недели, месяца и года работник трудится меньше, чем до подобного сокращения. Между тем, трудовая жизнь у человека одна, и продолжительность его

трудового стажа имеет фиксированную итоговую величину, которую нельзя изменить. Уменьшение нормальной продолжительности трудовой жизни можно определить только в порядке сопоставления стажа работников одной возрастной когорты со стажем другой.

Для сопоставления отмеченных величин недостаточно использовать год в качестве единицы измерения. Календарный год может включать разное количество отработанных часов у работников различных возрастных когорт. Поэтому в качестве единицы измерения выступают именно рабочий час.

Проделанные в рассматриваемой коллективной монографии расчеты показали, что в развитых капиталистических странах когорты работников, вступающие в трудовую жизнь позднее предшественников, за равное количество лет с предшественниками отрабатывают меньшее количество часов. Уменьшение объясняется тем, что в их трудовой стаж входят годы с меньшим количеством рабочих часов, чем у прежних поколений.

Больше того, при существовавших темпах сокращения рабочего времени новые поколения работников к концу трудовой жизни «наберут» меньшую сумму отработанных

часов, чем предшественники, даже при увеличении – до определенного уровня – среднего числа лет трудового стажа. Другими словами, за большее количество лет будет отработано менее продолжительное время.

Возможность такого сочетания хорошо иллюстрируется на историческом примере, при сопоставлении трудовой жизни рабов Древнего Рима и нынешних работников: первые за 14 лет отрабатывали около 80000 часов, вторые за 45 лет – около 75000 – 77000 часов.

Сокращение рабочего времени – один из факторов увеличения средней продолжительности жизни при рождении. Отсюда следует объективная возможность сочетания сокращения рабочего времени в рамках трудового стажа при увеличении количества его лет.

Так как при социализме сокращение рабочего дня, а наряду с этим – рабочей недели, месяца и т.д. отвечает коренным интересам рабочего класса как господствующего в социалистическом обществе, то оно осуществляется интенсивнее, чем при капитализме. Это влечет за собой рост продолжительности здоровой жизни, первой потребностью которой является потребность в труде на благо общества. При таких условиях рабочий класс едва ли пойдет по пути превращения все возрастающей экономии

производительного труда в уменьшение числа лет трудового стажа. Куда вероятнее сокращение часов, отработанных за типичную трудовую жизнь новыми поколениями работников по сравнению с предшествующими, при увеличении продолжительности измеряемого в годах нормального трудового стажа первых относительно вторых.

Сокращение рабочего времени рабочего класса само по себе ещё не гарантирует уничтожения классов. Если экономия труда преимущественно используется для увеличения занятости в непроизводственной сфере, то классовое деление общества будет постоянно воспроизводиться при уменьшении общей численности и доли рабочих. Так, в США рабочие обрабатывающих производств составляют не более 10 млн. человек или около 6% от общей численности занятых в экономике. Аналогичный процесс происходит и в других капиталистических странах, причем параллельно с уменьшением рабочего времени.

При социализме предполагалось, что экономия труда будет служить не уменьшению численности рабочего класса, а сокращению времени труда рабочих, позволяя им уделять больше времени для образования, повышения квалификации, участия в управлении. К сожалению, в этом

направлении было сделано мало шагов. Но даже, если бы удалось ввести 6-часовой рабочий день, а затем 5 и 4-часовой, означало бы это уничтожение классов? – Само по себе, нет. До тех пор, пока одна часть общества была бы социально-экономически закреплена за выполнением производительного труда, а другая – непроизводительного, классовые различия оставались бы неуничтоженными.

С этой точки зрения одно только повышение квалификационно-образовательного уровня рабочих до соответствующего инженерно-техническим работникам, что на протяжении десятилетий преподносилось как магистраль уничтожения классов, не привело бы к нему. Дело в том, что подобный процесс совместим с воспроизводством инженерно-технических работников как особого социального слоя. Следовательно, сохранялся бы и рабочий класс.

Правда, у советских обществоведов бытовало представление о том, что инженерно-технические работники представляют собой отряд рабочего класса. Это, по видимости, упрощало задачу перерастания социализма в полной коммунизм, но только по видимости. Если рабочие непосредственно взаимодействуют со средствами производства, то инженерно-технические работники

напрямую взаимодействует с другими работниками, а не со средствами производства и потому по своему положению существенно отличаются от рабочих. ИТР входят в число тех, кто, говоря словами Энгельса, перекладывают на плечи других свою долю производительного труда. Уничтожение же классов означает, что никто не перекладывает её на плечи других.

Поэтому для перерастания социализма в полный коммунизм недостаточно, чтобы экономия труда использовалась не для сокращения численности рабочих, а для роста их свободного времени в целях активизации участия в выполнении других общественных функций (управления, обучения т.т.п.). Требуется также, чтобы нерабочие все активнее участвовали в производительном труде, чему способствует сокращение нормальной продолжительности рабочего времени, прежде всего — рабочего дня (Золотов А.В., Попов М.В. Перспектива преодоления социального разделения людей//Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т.34. №2. С. 218-232).

В результате происходил бы рост доли участвующих в материальном производстве, за что выступали авторы первого советского учебника по политической экономии.

Вместе с тем не уменьшался бы, а увеличивался круг выполняющих функции непроизводительного труда, главным образом, за счет совмещающих его выполнение с производительным.

Увеличение массы и доли свободного времени общества будет использоваться также для прогресса сферы образования, здравоохранения, культуры, искусства, физической культуры и спорта в целях свободного, всестороннего развития всех членов общества.

Включение показателей этих процессов в Программу социально-экономического развития страны и разрабатываемых на её основе долгосрочных планов позволит планомерно добиться того, что все в равной степени участвуют в производительном труде и непроизводительном, включая управленческий. Это означает, что в полной мере будет реализован закон перемены и сочетания труда, отрицающий закон разделения общества на классы.

Перемена труда находила свои проявления в СССР. Рабочие участвовали в управлении, в техническом творчестве, регулярно повышали квалификацию и т.д. Нерабочие привлекались к выполнению сельскохозяйственных работ, время от времени трудились на

овощебазах. Старшеклассники работали в учебно-производственных комбинатах и получали базовые навыки производительного труда.

К сожалению, предпосылки и проявления перемены труда нерабочими не получили должного развития в СССР. Так, базовые навыки рабочих профессий, полученные в школах, использовалась только теми, кто шел в рабочие. Поступившим в техникумы и вузы они оказывались не нужны.

Привлечение нерабочих к сельскохозяйственным работам воспринималась больше в качестве отклонения от нормы. Бытовавшее в классовых обществах презрение господствующих классов к производительному труду было воспринято носителями мелкобуржуазности при социализме и набирало силу, что вело к воспроизводству классов, а не к их уничтожению.

Вот почему в будущем, при обеспечении перерастания социализм в полный коммунизм рабочий класс должен активно добиваться сокращения рабочего времени и на этой основе – последовательной реализации закона перемены и сочетания труда.

5. Углубленное понимание диктатуры пролетариата на основе осмысления исторического опыта

Обоснование необходимости диктатуры пролетариата для уничтожения деления общества на классы – одно из величайших теоретических достижений К. Маркса.

Учение о диктатуре пролетариата – главное в ленинизме. Владимир Ильич, развивая идею диктатуры пролетариата, раскрыл международную значимость Советской власти как организационной формы диктатуры пролетариата. Он показал, что политическое господство рабочего класса реализуется благодаря руководящей роли партии рабочего класса, которая активно работает в самых массовых пролетарских организациях – профсоюзах. В.И. Ленин подчеркивал, что диктатура пролетариата необходима не только в переходный период от капитализма к коммунизму, но и во всей борьбе за уничтожение классов. Эти ключевые идеи многократно, с разных сторон освещались в ленинских работах.

И.В. Сталин, давший клятву хранить и укреплять диктатуру пролетариата, действительно отдавал все свои силы решению этой задачи.

Тем не менее, в 1961 году на 22 съезде КПСС была принята программа партии, декларировавшая, что диктатура пролетариата выполнила свою роль и заменена общенародным государством. Тем самым хрущевское руководство КПСС при попустительстве делегатов съезда совершило ревизионистскую подмену главного в ленинизме, прикрывая нелепым тезисом об «общенародном государстве» утверждение диктатуры буржуазии. В классовой борьбе с мелкобуржуазностью в тот период рабочий класс потерпел поражение.

И в условиях начавшейся буржуазной контрреволюции можно было ознакомиться с идеями о диктатуре пролетариата, сформулированными в работах Маркса и Ленина: собрания сочинения классиков марксизма-ленинизма издавались огромными тиражами. Выходили содержательные научные работы об опыте пролетарской диктатуры в переходный период от капитализма к коммунизму, о разгроме антипартийных течений в ВКП(б) и т.п. Студенты советских вузов в обязательном порядке изучали курс «История КПСС», они конспектировали некоторые ленинские работы. Несмотря на это, официальное насаждение тезиса об «общенародном государстве» обрубало в исследованиях, преподавании, пропаганде и

агитации связь ленинских идей о диктатуре пролетариата с периодом после 22 съезда КПСС.

После 1960-х годов в СССР немногочисленным сторонникам идеи диктатуры пролетариата при социализме приходилось использовать цитаты из партийных документов, в которых, как дань прошлому, говорилось об авангардной роли рабочего класса. Когда же М.В. Попов представил рукопись научной работы, в которой шла речь о руководящей роли рабочего класса, редактор придирчиво заменяла эту марксистско-ленинскую формулировку двусмысленным ревизионистским положением о «ведущей роли рабочего класса» («быть ведущим» вовсе не тождественно «руководить»).

Завершение буржуазной контрреволюции в СССР во второй половине 1980-х годов привело к размежеванию в КПСС, к открытой борьбе сторонников рабочего класса в партии с её антикоммунистическим руководством и плетущимися за ним партийными обывателями, которые, как показала история тех лет, составляли подавляющее большинство членов КПСС. К тому времени перевес сил в классовой борьбе был уже у антикоммунистов, что и предопределило реставрацию капитализма в полном объёме.

При таких условиях от марксистов-ленинцев потребовалось осознать не только достижения в построении пролетарской диктатуры в СССР, но и ошибки, отступления в таком строительстве, приведшие, в конечном счете, к её временному поражению.

Благодаря монографии М.В. Попова «Планомерное разрешение противоречий развития социализма как первой фазы коммунизма» у сознательных сторонников рабочего класса утвердилось понимание того, что классовая борьба продолжается и при социализме, в отсутствие антагонистических классов. Пока не уничтожены классы, тезис об «окончательной победе социализма» объективно есть прикрытие для действий по разрушению социализма. Всякое ослабление борьбы за интересы рабочего класса ведет к усилению мелкобуржуазности, грозящему реставрацией капитализма.

Противоречие между бесклассовой природой социализма и непреодоленными классовыми различиями на первой фазе коммунизма воспроизводится и внутри партии рабочего класса, порождая две противоположные тенденции: к усилению авангардной роли партии и к перерождению её в буржуазную рабочую партию. Классовая борьба пролетариата на любом её этапе может быть успешной

только тогда, когда его партия успешно разрешает внутрипартийные противоречия по линии развития и реализации способности руководить борьбой за уничтожение классов.

Исторический опыт выявил целый ряд необходимых мер для развития партии рабочего класса, которые освещались в выступлениях профессора М.В. Попова, профессора А.С. Казеннова, профессора А.В. Золотова, д.э.н. О.А. Мазура, к.э.н. В.И. Галко, к.т.н. К.В. Юркова и ряда других ученых на страницах Российской общественно-политической газеты «Народная правда» и на портале Фонда Рабочей Академии (Фонда содействия обучению рабочих).

Прежде всего, раз от партии требуется руководить борьбой за разрешение противоречий в ходе борьбы за установление диктатуры пролетариата, за построение социализма и его перерастание в полный коммунизм, то идеологи партии обязаны владеть материалистической диалектикой как учением о единстве и борьбе противоположностей, а все члены партии – ее изучать. Ленинский завет о превращении редакторов и сотрудников журнала «Под Знаменем Марксизма» в «общество материалистических друзей гегелевской диалектики» не в меньшей степени относится к членам партии в целом.

Незнание диалектики способствовало, например, распространению антидиалектической «концепции развитого социализма», которая демобилизовала многих членов партии, даже желающих служить рабочему классу, что позволило закрепить господство антикоммунистов-ревизионистов в КПСС.

Традиция систематического изучения диалектики сформировалась в общественном объединении «Рабочая партия России», что находит отклик у широкого круга беспартийных. Публикация книги М.В. Попова и О.А. Мазура «Материалистическое преобразование диалектики Гегеля» позволяет успешнее решать задачу освоения диалектики в системе партийной учебы, так что в перспективе партия рабочего класса будет сознательнее и целенаправленнее вести борьбу за коренные интересы рабочего класса с мелкобуржуазностью в социалистическом обществе, в том числе и в самой партии.

Действенной мерой в борьбе с карьеристскими устремлениями членов партии как проявлением мелкобуржуазности в условиях диктатуры пролетариата было использование партийного максимума, когда у члена партии, занимающего руководящую должность, доходы свыше установленной партийным решением суммы

перечислялись в бюджет партии. Отмена партмаксимума в 1932 году способствовала тому, что члены партии-управленцы могли улучшать свое материальное положение во многом независимо от положения рабочего класса – за счет продвижения по служебной лестнице. Такая ситуация вела к усилению карьеризма и бюрократизма в управленческом аппарате как отрицающих социалистический характер государственного планового централизованного управления. Поэтому партия рабочего класса после победы диктатуры пролетариата должна использовать партмаксимум в качестве средства борьбы с мелкобуржуазностью в собственных рядах на всем протяжении социализма как первой фазы коммунизма.

Для партии рабочего класса принципиально обеспечивать решающую роль рабочих во внутрипартийной жизни. Такая ситуация требует при социализме, прежде всего, соответствующего регулирования приема новых членов. До начала 1930-х годов существовала определенная очередность, когда в первую категорию для приема входили рабочие от станка, затем – красноармейцы и т.д. Впоследствии эти требования были отменены, что не способствовало повышению роли рабочих во внутрипартийной жизни.

В 1970-е – 1980-е годы для приема в партию нерабочего требовался предварительный прием рабочих, что, казалось бы, отвечает критерию обеспечения рабочего характера партии. На деле, напор желающих вступить в партию из числа служащих, движимых интересами собственной карьеры, был настолько силен, что партийные организации принимали в свои ряды любого подавшего заявление рабочего, независимо от его готовности бороться за дело рабочего класса. Кроме того, после вступления в партию в качестве рабочих многие члены партии переставали быть ими, так что большинства рабочих в КПСС не было.

Мало того, что рабочие в общей численности членов КПСС находились в меньшинстве, в руководящих партийных органах их доля была ещё ниже, причём тем ниже, чем выше был уровень партийных органов. Соответственно решения этих органов всегда принимались при меньшинстве рабочих в их составе. Организационные предпосылки для руководящей роли рабочих в КПСС отсутствовали.

В условиях реставрации капитализма вопрос о регулировании социального состава принимаемых в партию рабочего класса утратил свою остроту в том отношении, что

принадлежность к такой партии не дает каких-либо перспектив карьерного роста.

Даже в этих условиях, как показывает опыт общественного объединения «Рабочая партия России», среди желающих вступить в партию могут преобладать нерабочие, так как в течение нескольких десятилетий после поражения социализма численность рабочих, настроенных на борьбу за коренные интересы рабочего класса, оставалась незначительной. Ограничивать вступление в партию нерабочих, ожидая широкого притока в неё рабочих, значило бы препятствовать расширению коммунистической пропаганды и агитации в рабочем классе, осуществляемых в том числе посредством распространения с участием членов партии-нерабочих газеты «Народная правды» у проходных российских заводов и фабрик.

Проблема обеспечения решающей роли рабочих во внутрипартийной жизни при их меньшинстве в партийных рядах решалась следующим образом. Первоначально, при учреждении Российской коммунистической рабочей партии в ноябре 1991 года в её устав была введена норма о большинстве рабочих во всех руководящих органах партии, начиная от собрания первичной партийной организации и кончая партийным съездом.

Опыт показал, что партийные деятели с вождистскими, то есть бюрократическими, замашками легко манипулируют этой нормой по своему усмотрению. В состав Центрального комитета, например, избирается большинство рабочих, а при проведении пленума ЦК присутствует больше половины его членов, но рабочие составляют меньшинство от присутствующих. Следовательно, решение принимается при меньшинстве рабочих среди голосующих.

Рабочее ядро РКРП, в корне не согласное с продолжением способствовавшей буржуазному перерождению партии практики принятия партийных решений при большинстве нерабочих, учредило в декабре 1993 года общественное объединение «Рабочая партия России». Согласно статье 15 Устава РПР, решение руководящих органов считаются принятыми, если рабочие составили большинство голосовавших. Теперь присутствия большинства избранных в партийный орган недостаточно для принятия им решений. Среди собравшихся должны преобладать рабочие. В результате избрание большинства рабочих в руководящие органы партии перестает быть мертвой буквой, как это было в РКРП. Отмеченная норма, в буквальном смысле выстраданная опытом рабочего движения, должна быть в уставе каждой партии, борющейся

за обеспечение полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества.

Так как при социализме социальное деление общества на тех, кто управляет, и тех, кто исполняет, ещё не уничтожено, социально-экономическое положение работников партийного аппарата отличается от свойственного рабочим. Соответственно, есть объективная почва для проявлений карьеризма и бюрократизма со стороны партийных работников, что способно негативно влиять на политический курс партии, ведет к превращению организаторов партийной жизни в её дезорганизаторов.

Одной из мер борьбы с подобной негативной тенденцией могла бы стать постановка штатных работников партии на учет в первичные партийные организации крупных производственных коллективов с вытекающими отсюда обязанностями участвовать в партийных собраниях, отчитываться о проделанной работе, уплачивать членские взносы в эти организации и т.д. Такая мера способствовала бы усилению контроля партийных рабочих за деятельностью должностных лиц партии.

Сближение интересов партийных работников с интересами рабочего класса обеспечивалось бы за счет периодического труда партийных работников в

производственных предприятиях на рабочих должностях. Эта оправдавшая себя практика используется, например, в КНДР. Присущие первой фазе коммунизма соединение обучения с производительным трудом, сокращение рабочего дня создают предпосылки для все более систематического включения партийных работников в выполнение производительного труда.

Повышение квалификационно-образовательного и политического уровня партийных рабочих при сокращении рабочего дня позволяет им участвовать в работе партийного аппарата в порядке совмещения с основной производственной работой. Развитие такого совмещения также ведет к искоренению партийного бюрократизма.

Поскольку в социалистическом обществе мелкобуржуазность обусловлена собственной неразвитостью бесклассовой природы социализма, то никакие организационные меры не в состоянии исключить проявлений ревизионизма и оппортунизма во внутрипартийной жизни. Только неустанная, сознательная, наступательная борьба членов партии с этими проявлениями делает партию рабочего класса способной руководить перерастанием социализма в полный коммунизм.

В.И. Ленин отмечал, что партия руководит рабочим классом, в первую очередь, через работу в самых массовых организациях рабочих – профессиональных союзах. В СССР были опубликованы многочисленные работы по истории профсоюзов. В постсоветский период выходили работы о специфике профсоюзов в реставрированной капиталистической экономике. По общему правилу, в публикациях по профсоюзной тематике оставалась недостаточно раскрытой противоречивость развития этих объединений работников. Целенаправленное рассмотрение диалектики профсоюзного движения России представлено в монографии А.В. Золотов «Развитие профсоюзного движения России» (Монография. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2011.).

Развитие профсоюзов осуществляется посредством разрешения следующих противоречий: в период капитализма – между необходимостью обеспечения благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества и сосредоточением профсоюзов на борьбе за текущие интересы наемных работников; в рамках социализма – между ориентацией в деятельности профсоюзов на интересы свободного развития всех членов общества, с одной стороны, и – на некоренные интересы

рабочников, с другой; в период после реставрации капитализма – между необходимостью борьбы за рост заработной платы до уровня стоимости рабочей силы и выше и ориентацией профсоюзов преимущественно на индексацию заработной платы.

Разрешение всех этих противоречий по линии позитивных тенденций требует работы в профсоюзах партии рабочего класса, борющейся за реализацию коренных интересов рабочего класса. Только при этом условии профсоюзы в состоянии добиться улучшения жизни основной массы работников при капитализме, включаются в борьбу за установление диктатуры пролетариата, за формирование и утверждение социалистических производственных отношений и их перерастание в отношения полного коммунизма.

Основной формой борьбы профсоюзов за интересы работников при капитализме выступает стачечная борьба. В западной экономической литературе давно утвердилось понимание, что сильный профсоюз тот, который использует для заключения коллективного договора угрозу или осуществление забастовки. Это после реставрации капитализма в полной мере относится и к России.

Сила профсоюза требует, чтобы решающая роль в принятии решения о коллективных действиях принадлежала рабочим основной профессии для предприятия (отрасли). Зачастую такие работники находятся в профсоюзной организации в меньшинстве, что снижает готовность к коллективным действиям. Возможный выход из подобной ситуации – создание в едином профсоюзе рабочей секции, объединяющей работников основной профессии и позволяющей им реализовать свою волю в профсоюзной организации в целом.

Серьёзным препятствием на пути организации коллективных действий является отрыв штатных профсоюзных работников от интересов основной массы членов профсоюза. Налицо противоречие: ключевую роль в принятии решения о забастовке в интересах рабочих принадлежит тем, кто рабочими не являются и менее всего от неё выигрывают.

Его разрешению способствовало бы совмещение руководящей работы в профсоюзе с трудом по рабочей профессии (например, 3 дня работы у станка, 2 дня – в качестве сопредседателя профкома). Такому подходу соответствует выполнение руководящей работы по очереди, сопредседателями, чему препятствует, однако, господство

закона социального разделения труда при капитализме. Преодоление препятствия требует целенаправленных усилий членов партии рабочего класса, работающих в профсоюзах.

Борьба профсоюзов за обеспечение полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества начинается уже при капитализме. Она направлена на улучшение условий труда, повышение его оплаты, сокращение рабочего времени, расширение трудовых прав и т.д. (комплекс направлений улучшения положения рабочего класса при капитализме раскрыт в монографии О.А. Мазура «Развитие работников современной России»). Без успехов в такой борьбе рабочий класс был бы не в состоянии перейти к борьбе за свое политическое господство.

Любые успехи профсоюзов в борьбе за текущие интересы рабочих постоянно находится под угрозой ликвидации со стороны капитала. В этом смысле инфляция – действенный инструмент в руках буржуазного государства для понижения уровня реального содержания заработной платы рабочих. Его понижение подталкивает многих рабочих к сверхурочному труду, отрицающему достижения профсоюзов в борьбе за сокращение рабочего времени. При

удлинении рабочего времени ухудшаются возможности для организации профсоюзами коллективных действий работников, что позволяет капиталу урезать трудовые права. Налицо – «дурная бесконечность» профсоюзной борьбы за текущие интересы наемных работников.

Именно опыт российского рабочего класса доказал, что организуемая профсоюзами забастовочная борьба тогда превращается в средство реализации коренных интересов рабочего класса, когда бастующие производственные коллективы, направляя своих депутатов-рабочих, создают централизованную систему территориальных органов, становящуюся системой политической власти рабочего класса.

Профсоюзные организации производственных предприятий, осуществляя выборы депутатов в представительные органы диктатуры пролетариата становятся её организационным базисом, не превращаясь, однако, в государственную структуру.

При политическом господстве рабочего класса устраняются капиталистические барьеры для роста профсоюзных рядов. Как следствие складывается многоуровневая система отраслевых и территориальных профсоюзных органов. В связи с этим при неуничтоженном

социальном разделении труда возникает тенденция к преобладанию штатных работников в выборных профсоюзных органах, с чем советские профсоюзы столкнулись уже к концу 1920-х годов.

Борьба с бюрократизацией профсоюзов требует не только большинства рабочих в составе всех выборных профсоюзных органов, но и развития практики совмещения работы на производстве с работой в профсоюзном аппарате. Очевидно, что, если в СССР в правящей партии аналогичные задачи остались нерешёнными, они не были решены и в советских профсоюзах, что стало одной из причин поражения советского рабочего класса.

Главной задачей профсоюзов при социализме выступает организация социалистического соревнования как метода борьбы за укрепления планомерности социалистического производства. Если при капитализме сила профсоюза определяется его способностью осуществлять забастовочную борьбу, то при социализме – организовать соревнование. При этом речь идет не только о соревновании за более высокие производственные результаты, но и за лучшую постановку участия рабочих в управлении, включая такие его развитые формы как шефство заводов над госаппаратом и социалистическое совместительство работы

у станка с выполнением ответственных управленческих функций.

В результате измены КПСС рабочему классу профсоюзы превратились в организацию, заикленную на обеспечении текущих интересов своих членов (распределяя дефицитные продукты, организуя детский отдых и т.п.). Подобные профсоюзы перестали быть «школой коммунизма», то есть самой массовой организацией работников для борьбы за коренные интересы рабочего класса.

Разгром производства в период приватизации и разрушения планового управления в значительной мере дезорганизовали профсоюзы. Без массовой стачечной борьбы рабочих буржуазия, используя инфляцию, сумела резко, в несколько раз понизить средний уровень реальной зарплаты.

Оставшиеся профсоюзы, лишённые руководящего влияния партии рабочего класса, в большинстве своём оказались под властью буржуазных партий. Поэтому забастовки, организованные профсоюзами, являются редкостью, что свидетельствует о слабости нынешних профсоюзов. В результате требования профсоюзов, как правило, не выходят за рамки индексации заработной платы,

то есть возвращения реальной зарплаты к уровню на момент начала отсчета повышения цен на товары для рабочих. Индексация зарплаты — это орудие предупреждения повышения реальной зарплаты, навязываемое проводниками буржуазного влияния в профсоюзном руководстве профсоюзным организациям.

Кризис российских профсоюзов приобрел затяжной характер. И всё же работникам, желающим улучшить свою жизнь посредством коллективных действий, есть на кого равняться. Опыт борьбы организации Российского профсоюза докеров морского порта Санкт-Петербурга, Федерального профсоюза авиадиспетчеров, профсоюза «Действие» говорит о том, что инициативная, наступательная позиция профсоюзов способна принести успех работникам. Так, в России был открыт способ сокращения профсоюзами рабочего времени (без понижения заработной платы) в форме проведения забастовки в течение одного часа в рамках рабочей смены.

Ценный опыт борющихся профсоюзов анализируется Российским Советом рабочих — постоянно действующим семинаром Федерации профсоюзов России и Фонда Рабочей Академии (Фонда содействия обучению рабочих). Этот опыт продвигается в производственных коллективах силами

Рабочей партии России. Чем активнее пойдет такая работа, тем скорее завершится кризис российских профсоюзов и наступит время для превращения профсоюзного движения в борца не только за экономические интересы рабочего класса, но и за его политическую власть.

Теоретическое обобщение опыта Советской власти как организационной формы диктатуры пролетариата представлено в работах периода 1990-х годов, написанных В.Я. Ельмеевым, В.Г. Долговым, М.В. Поповым, например, в их монографии «Выбор нового курса» (М.: «Мысль», 1991). Самое систематическое изложение этого вопроса дано в работе А.С. Казеннова и М.В. Попова «Советы как форма государственной власти» (СПб: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2019).

Установлено, что идея Ленина о формировании Советской власти коллективами фабрик и заводов – не нечто второстепенное для понимания Советов, а выражение их сущности. Только при таком построении Советской власти она имеет прочное экономическое основание в собственности государства рабочего класса на средства производства.

Избрание депутатов в производственных коллективах выступает одним из условий подчинения государства воле рабочего класса и его коренным интересам не только потому,

что дает возможность обеспечить большинство рабочих в выборных органах власти. Не менее значимо, что такой порядок выборов делает осуществимым отзыв депутатов, игнорирующих данные интересы. Выборные органы, действуя в интересах уничтожения классов, способны соответствующим образом определять работу всего государственного аппарата. Вот почему государство отвечает понятию организационной форме диктатуры пролетариата только при выборах депутатов производственными коллективами. Название «Советы» такой гарантии не дает.

На заре Советской власти рабочий класс не составлял большинства трудящегося населения. Неравное представительство депутатов от рабочего класса и крестьянства в пользу рабочих служило реализации пролетарского характера государства.

После победы социализма в 1936 году избирательные права рабочих и колхозников стали равными, однако производственные коллективы лишились права избирать депутатов, а только выдвигали их кандидатуры для участия в выборах, организуемых по территориальным округам. Подобный порядок выборов в существенной мере нарушил зависимость депутатов от производственных коллективов:

последние могли выдвинуть кандидата, но не имели права отозвать депутата, избранного населением. Организовать же избирателей вне места их совместной работы для решения об отзыве – большая проблема. Следовательно, была подорвана связь депутатов с рабочим классом, что стало одной из предпосылок последующего буржуазного перерождения государства, хотя и сохранявшего название «Советское».

Очевидно, что в социалистическом обществе, где отсутствуют эксплуататорские классы, все труженики должны иметь право избирать депутатов и быть избранными. При равной норме представительства депутатов от производственных коллективов и трудовых коллективов непроизводственной сферы требуются особые организационные гарантии решающей роли рабочего класса. Одна из них – работа Совета, как объединяющего Совет рабочих депутатов и Совет депутатов служащих и специалистов, когда решение Совета принимается только при согласии с ним Совета рабочих депутатов.

Действительно Советское государство в силу своей прочной связи с рабочим классом, организованным в производственные коллективы, способно дать поприще для всеобщего участия рабочих в управлении государственными делами: от контроля за распределением продуктов – до

совмещения работы на производстве с ответственной работой в государственных учреждениях.

Так как ядро депутатов Советов составляют депутаты-рабочие, и в выполнении других управленческих функций участвуют все те, кто в производстве выступают в качестве исполнителей, то налицо система самоуправления рабочего класса, сохраняющая форму государственности.

Развитие участия в управлении опирается на материальный фундамент в форме сокращения рабочего и увеличения свободного времени рабочих при повышении уровня обеспеченности материальными благами, предоставляемыми как из общественных фондов потребления (то есть бесплатно), так и в порядке распределения по труду. Без сокращения рабочего времени прогресс участия в управления недостижим. В свою очередь, борясь с бюрократизмом в социалистической системе управления рабочие обеспечивают использование экономии труда, в первую очередь, для сокращения рабочего времени.

Направляемая партией рабочего класса управленческая активность рабочих, дополняемая управленческой активностью социалистических тружеников-нерабочих, ведет к уничтожению социального разделения общества на тех, кто управляет, и тех, кто исполняет.

Советская власть — именно та форма пролетарского государства, использование которой позволяет рабочему классу довести до конца уничтожение классовых различий и тем самым освободить его самоуправление от государственной формы и утвердить общественное самоуправление.

Вместо заключения:

теория освободительного движения рабочего класса претворяется в практику

Контрреволюционный период в истории России не остановил научных исследований в интересах рабочего класса. Больше того, временное поражение рабочего класса заставило глубже осознать противоречия классовой борьбы пролетариата на всех её этапах.

Такое осознание — результат целенаправленного освоения идеологами рабочего класса материалистической диалектики. Теперь благодаря материалистическому преобразованию диалектики Гегеля осмысление противоречий классовой борьбы станет доступным для более широкого круга сторонников рабочего дела, включая передовых рабочих. Красный университет Фонда Рабочей Академии (Фонда содействия обучению рабочих), безусловно, позаботится об этом.

Воплощение передовых идей в социально-экономическую практику, то есть соединения научного социализма с рабочим движением, происходит, прежде всего, силами общественного объединения «Рабочая партия России». Партия и в своей программе, и в организационном

строении опирается на передовые достижения теории и практики борьбы рабочего класса.

Благодаря Российскому Совету рабочих – постоянно действующему семинару по рабочему профсоюзному движению Федерации профсоюзов России и Фонда Рабочей Академии (Фонда содействия обучению рабочих) – с помощью Российской общественно-политической газеты «Народной правды», интернет-порталов Фонда Рабочей Академии (Фонда содействия обучению рабочих) и Ленинградского интернет-телевидения профсоюзы России узнают лучший опыт борьбы за заключения коллективных договоров в интересах работников.

По рекомендации Российского Совета рабочих его делегаты стали инициаторами воссоздания городских Советов рабочих, формируемых путем делегирования депутатов не менее, чем от трёх производственных предприятий (делегирование каждого депутата подтверждается подписями 5 рабочих его завода). Уже воссоздан Ленинградский Совет рабочих депутатов.

Вся эта работа становится особенно актуальной в условиях специальной военной операции – борьбы буржуазно-демократической России с объединенными силами международного фашизма на Украине. СВО

показала, что именно рабочий класс является главной силой антифашистской борьбы, и потому требуется создать условия для реализации его социально-экономического и управленческого потенциала.

Перспектива современного рабочего движения — возрождение Советской власти как формируемой производственными коллективами.

На таком и более высоких этапах борьбы за свои коренные интересы рабочий класс сможет руководствоваться развернутой теорией перерастания социализма в полный коммунизм. В результате его освободительная борьба достигнет цели обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Том I. Объективная логика. Primedia E-launch LLC. 2017.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Том II. Субъективная логика. Primedia E-launch LLC. 2017.
3. Маркс К. Капитал. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23-25.
4. Карл Маркс Иосифу Дицгену. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32.
5. Ленин В.И. Карл Маркс. Полн. собр. соч. Т. 26.
6. Ленин В.И. Философские тетради. В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 29.
7. Попов М.В. Планомерное разрешение противоречий развития социализма как первой фазы коммунизма. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986 г.
8. Мазур О.А. Развитие работников современной России. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009.
9. Попов М.В., Мазур О.А. Материалистическое преобразование диалектики Гегеля. Невинномысск: Издательство Невинномысского института экономики, управления и права, 2025.
10. Золотов А.В., Попов М.В. Философия производительного труда. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2006.

11. Ельмеев В.Я. Социальная экономия труда: общие основы политической экономии. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007.
12. Золотов А.В. Диалектика свободного развития работника. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2001.
13. Золотов А.В., Попов М.В., Бузмакова М.В. и др. Сокращение рабочего дня как основание современного экономического развития/ под ред. А.В. Золотова. – СПб: Изд-во Политехн. ун-та, 2016.
14. Золотов А.В., Попов М.В. Перспектива преодоления социального разделения людей//Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т.34. №2. С. 218-232.
15. Золотов А.В. Развитие профсоюзного движения России. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2011.
16. В.Я. Ельмеев, В.Г. Долгов, М.В. Попов. Выбор нового курса. М.: Мысль, 1991.
17. А.С. Казеннов, М.В. Попов Советы как форма государственной власти. СПб: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2019.

Золотов А.В. Современные теоретические достижения и задачи борьбы рабочего класса России. Невинномысск: Издательство Невинномысского института экономики, управления и права, 2025. 118 с.

Научное издание

Монография

Подписано в печать 15.12.2025 года
Изготовлено 24.12.2025 года

Формат 60х84 1/16
Бумага 80 г/м. кв.
Печать Гарнитура Таймс
Усл. печ. л. 7,1
Заказ № 17/ЗАВ

Отпечатано в типографии
Невинномысского института экономики,
управления и права
357101, Ставропольский край, г. Невинномысск,
ул. Зои Космодемьянской, 1.
Лицензия ИД № 03184 от 10.11.2000